

Владимир Задорожный

СМЕРТЬ В «АНГЛЕТЕРЕ»

Драма

**Херсон
2007**

УДК 821.161.2-23

3-15

ББК 84 (4 УКР) 6-6

Задорожный В. Смерть в "Англетере": Драма. - Херсон:
ОАО "ХГТ".

ISBN 978-966-8502-67-5

ISBN 978-966-8502-67-5

© В. Задорожный, 2007

© ОАО "ХГТ", 2007

СМЕРТЬ В «АНГЛЕТЕРЕ»

ДРАМА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится.

А.С.Пушкин. «Моцарт и Сальери».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич, пятьдесят лет.

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович, тридцать два года.

ДУНКАН Айседора, сорок восемь лет.

БУГРОВ Иван Михайлович, лет тридцати пяти.

АДМИНИСТРАТОР гостиницы, лет сорока пяти.

ГОРНИЧНАЯ Липа, лет двадцати.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Действие первое

Сцена не освещена.

ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ (*декламирует*).

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.

Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен, и летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...
... Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

(Продолжает.) Из поэмы Сергея Есенина «Черный человек». Написана в ноябре 1925 года. Спустя полтора месяца, холодным декабрьским днем, в пятом номере петроградской гостиницы «Англетер» Есенин совершит самоубийство. Случится так, что в номере не окажется чернил, и свои предсмертные строки «До свиданья, друг мой, до свиданья...» поэт напишет кровью.

Свет.

Гостиница «Англетер», одноместный номер на первом этаже. Старомодная, громоздкая мебель, серые обои, широкое окно с тяжелыми выцветшими портьерами. На кровати распахнутый и доверху набитый одеждой чемодан, возле кровати глубокое кресло и торшер. На круглом столе в беспорядке пустые бутылки из-под шампанского, стаканы, остатки холодной закуски и несколько книжек в мягких обложках. Одну из этих книжек, сидя за столом, листает Черный человек, мужчина тридцати лет, невысокого роста, с мертвенно-бледным лицом и светлыми волосами. На нем изысканный сюртук и цилиндр, на коленях лежит трость.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*читает*). «И вновь вернусь я в отчий дом, чужою радостью утешусь, в зеленый вечер под окном на рукаве своем повешусь». (*Хмыкнув.*) Определенно, писал в обнимку с бутылкой. (*Продолжает читать.*) «Седые вербы у плетня нежнее головы наклонят, и необмытого меня под лай собачий похоронят». Во как! «Необмытого». Интересно, когда его угораздило написать эту дурь? (*Смотрит на обложку.*) Сборник стихов «Трерядница». А где же дата? Ага... Тысяча девятьсот двадцатый. Стало быть, написано лет пять назад. «Трерядница»... Что за слово такое? Название гармошки, что ли? Трерядница... Нет, не припомню. (*Швыряет книжку на стол и достает карманные часы.*) Половина второго. Где же их черти носят? Назначил к двенадцати — и никого. (*Сняв и положив на стол цилиндр, подходит к окну и раздвигает шторы; нараспев.*) «В зеленый вечер под окном...» (*Взбирается на стул у окна и разглядывает трубу отопления.*) Так... Веревку привяжет, пожалуй, здесь, в месте стыка, потом просунет в петлю голову и оттолкнется — и вся недолга! «В зеленый вечер под окном...» Накаркал ты свой конец, кудрявый! Пять лет тому назад накаркал. И смерть свою молодую предсказал, и способ, каким уйдешь из жизни, описал почти достоверно.

Входит администратор гостиницы. Первым делом заглядывает в шкаф и за дверь ванной комнаты; потом, увидев на кровати чемодан, опускается перед ним на колени, роется в вещах и находит там деньги. Несколько купюр прячет в карман пиджака, остальные кладет обратно. Пришли пожить?

АДМИНИСТРАТОР *(в испуге вскакивает)*. Вы?!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я.

АДМИНИСТРАТОР. Ну, знаете ли! Вы прямо как вельзевул какой-то. *(Переводит дух.)* И давно вы здесь?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Около часа.

АДМИНИСТРАТОР. Чудеса... Прямо-таки чудеса! Но как вы попали в номер? Без пропуска, без ключа.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Через форточку.

АДМИНИСТРАТОР. Через что, простите?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я пошутил.

АДМИНИСТРАТОР. Хороши шуточки! Вы напугали меня до смерти. *(Отряхивает брюки на коленях.)* А я выглядывал вас у парадного.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Там вас и близко не было. *(Спрыгивает со стула.)* Вы, как похмелились с утра, так и провалялись полдня в своем кабинете на диване.

АДМИНИСТРАТОР. Да?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да! *(Подходит к администратору.)* Я не помешаю? Вы настолько увлечены своим занятием, что было бы грешно вас отвлекать.

АДМИНИСТРАТОР *(и глазом не моргнув)*. О чем вы? Обычный обход. Я бываю в номерах по два раза на день.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Обход, значит?

АДМИНИСТРАТОР. Ну да! Смотрю, прибраны ли у жильцов постели, чистые ли полы и скатерти...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(в тон администратору)*. Не в тягость ли им их кошельки и чемоданы...

АДМИНИСТРАТОР. Господь с вами! Экая напраслина.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да неужели?

АДМИНИСТРАТОР. А вы почитайте наши журналы и книги отзывов, поспрашивайте коридорных и горничных. У нас не было ни одного случая кражи. Ни жалоб, ни нареканий.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вот тут вы правы. Кому охота поднимать шум из-за пропавшей десятки? Остальные на месте — и слава

Богу. На этом и построен ваш воровской расчет. *(Брезгливо.)* Ладно, довольствуйтесь своей добычей. *(Достает из чемодана оставшиеся там деньги.)* И эти забирайте... Берите, берите! *(Засовывает купюры администратору в карманы.)* Деньги Есенину более не понадобятся.

АДМИНИСТРАТОР. Но...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Можете прихватить заодно и кое-что из его вещей: галстук, например, носки, зубной порошок. А то и весь чемодан уносите. Чего мелочиться?

АДМИНИСТРАТОР. Вы меня совсем сконфузили, товарищ... э... господин Черный человек. Прямо в краску ввели. Что ж я, мародер, по-вашему?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нет, вы ангел во плоти. Расправьте карманы: оттопыриваются.

АДМИНИСТРАТОР. Что? А-а... Спасибо.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. У Есенина были гости?

АДМИНИСТРАТОР. То есть?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вам что, деньги глаза застыят? *(Показывает тростью на стол.)* Вы полюбуйтесь на этот бедлам! В стаканах недопитое вино, на окурках помада, повсюду огрызки шоколада. *(Стучит тростью по бутылкам.)* А как вам это? Одна бутылка, другая, третья...

АДМИНИСТРАТОР. Согласен с вами, беспорядок. *(Поднимает с пола скомканную салфетку.)* Похоже на попойку с дамами.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(сердито)*. Что за ответ «похоже»? Вы обязаны точно знать! Или вы считаете, что я скупо заплатил вам за работу?

АДМИНИСТРАТОР. Что вы, что вы, щедро! Но войдите в мое положение: кроме Есенина, у меня в гостинице еще две сотни постояльцев. Я просто не в состоянии проследить за каждым.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Постоялец постояльцу рознь! *(Берет в руку чернильницу.)* А это вы были в состоянии сделать?

АДМИНИСТРАТОР. Что?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вылить чернила.

Администратор. Это так важно?

Черный человек (*в сильном раздражении*). Да! Я на пустяки не размениваюсь. Разве я не говорил вам, что свое прощальное стихотворение Есенин должен написать кровью?

Администратор. Ну-у...

Черный человек. Говорил или не говорил?

Администратор. Говорили.

Черный человек. Разве я не приказал вам положить рядом с пустой чернильницей перочинный нож?

Администратор. Приказали.

Черный человек. И разве я не объяснил вам, что Есенин, не обнаружив в номере чернил, будет вынужден надрезать правую руку и выдавить в чернильницу кровь?

Администратор. Объяснили.

Черный человек. Так что же вы, лентяй эдакий, ничего не сделали?

Администратор (*понури́в голову*). Что тут скажешь? Виноват. Пораскинул я мозгами про то, в какую неприятную историю вы меня впутываете, и испугался. (*Опускается на кровать.*) Ну почему, скажите на милость, вы выбрали для самоубийства Есенина именно «Англетер»? Мало в Петрограде других гостиниц? «Пролетарская», «Советская», «Европейская», «Первое мая»...

Черный человек. Закругляйтесь.

Администратор. Я к тому, что есть выбор. Пусть в одной из них и вешался бы. И потом, что за причуда, что за блажь такая — писать напоследок кровью? Есенин не смахивает на сумасшедшего.

Черный человек. А кто вам сказал, что Есенин сумасшедший? Человек болен **душевно**. Улавливаете разницу?

Администратор (*вяло махнув рукой*). Я не способен нормально думать, сударь. В голове один страх. Прямо душа в пятках.

Черный человек. Недалекий вы человек, однако. Неужели

так и не поняли, какие выгоды сулит «Англетеру» и лично вам смерть Есенина?

Администратор. Какие там выгоды! Сплошные неприятности.

Черный человек. Не скажите. Уверяю вас, уже завтра ваша гостиница преобразится до неузнаваемости. Место паломничества: Вифлеем, Мекка! Кто только не заявится сюда, услышав о кончине поэта! Несостоявшиеся литераторы и несчастные вдовы, голодные студенты и прыщавые курсистки, подпольные проститутки и спившиеся интеллигенты... Неиссякаемый поток народа! В какой угол ни сунетесь — плач, стенания, сопли. Найдутся такие, что будут готовы снять с себя последнюю рубаху, лишь бы взглянуть на дверь этой комнаты, не говоря уже о том, чтобы облобызать вон ту трубу. Так что гоните прочь свои страхи и остатки ископаемой совести! Думайте о перспективе. Хотите совет? Сегодня же займитесь составлением нового прейскуранта: за вход в гостиницу столько-то, за экскурсию по этому номеру — двойная такса, за фотографию на фоне рокового окна — оплата валютой. Да вы за неделю заработаете больше, чем Есенин за всю свою непутевую жизнь!

Администратор. Всё шутите? А милиция?

Черный человек. А что милиция?

Администратор. Дознание будет, следствие...

Черный человек. Пустые формальности. Придут, пошарят здесь малость для порядка, завернут нашего висельника в одеяло и увезут куда положено — в мертвецкую. На дровнях. Если угодно, могу ознакомить вас с заключением судебного эксперта.

Администратор. С каким заключением?

Черный человек. С самым настоящим. Составлено и подписано сразу после вскрытия.

Администратор. Бред какой-то... Кем составлено? Кем подписано?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Профессором медицины Гилеревским. Минутку! *(Вынимает из кармана рукописный текст заключения; читает.)* «Есенин Сергей Александрович, 1895 года рождения, русской национальности, уроженец села Константиново Рязанской губернии...» *(Пробегает глазами написанное, бормочет.)* Рост сто шестьдесят восемь... вес шестьдесят семь... Дальше описание внутренних органов... *(Поднимает глаза.)* Желаете знать, что пишет профессор о печени и селезенке поэта? Вижу, не желаете. Так... Ага, вот! *(Читает.)* «Смерть Есенина наступила от асфиксии, развившейся в результате сдавления дыхательных путей через повешение». Как видите, ни слова о следах или признаках насилия. *(Прячет заключение обратно в карман.)* А вы говорите о милиции. Нет преступления — нет следствия.

АДМИНИСТРАТОР *(ошарашен)*. Но сие невозможно!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Что?

АДМИНИСТРАТОР. Иметь такое заключение. Вы мне про что читали? Про труп! А Есенин жив, гуляет где-то... Жив! Понимаете?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Тем не менее заключение о его вскрытии уже неделю как у меня.

АДМИНИСТРАТОР *(медленно встает и так же медленно пятится к выходу)*. Вы... опасный субъект, гражданин. Вы — дьявол! И я не желаю больше ничего слышать! Я обращусь к властям и попрошу защиты...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вот вы как запели! *(Ледяным голосом.)* Послушайте, дражайший, давайте объяснимся. Во мне столько же от антихриста, сколько в вас от святого. Я — Черный человек! Видите, я во всем черном, от цилиндра до башмаков? Таким меня создал в своей недавней поэме Сергей Есенин, в таком облике я и существую. До этой поэмы я был Некто и Нечто, безликий и мятежный дух, сопутствующее зло; поэт придал мне форму, наделил голосом и слухом, дал мне тело и облачил во фрак. Я поднялся со страниц поэмы и расправил плечи, я оскалился и пошел... Насчет моей черно-человечьей

сути я мог бы распространяться перед вами до волдырей на языке, но, учитывая объявивший вас ужас, скажу лишь, что для окружающих моя особа почти безвредна. Вот для кого я действительно опасен, так это для моего творца. *(Декламирует гнусавым голосом.)* «Черный человек глядит на меня в упор. И глаза покрываются голубой блевотой, — словно хочет сказать мне, что я жулик и вор, так бесстыдно и нагло обокравший кого-то... Черный человек! Ты прескверный гость...» *(Зловеще.)* Ничего, этим вечером я поквитаюсь! И за «прескверного гостя» и за «блевоту в глазах». *(Открывает окно и выплескивает наружу содержимое чернильницы.)* Поэма, замечу вам, дрянь! Нервный тик, маляк алкоголика. Кое-кто, правда, расценит ее как предсмертную исповедь, как реквием поэта, а по мне, ни дать ни взять, — рифмованная паранойя. *(Закрывает окно, возвращается к столу и ставит чернильницу на прежнее место.)* Увы, но эта поэма связала меня и Есенина намертво. Это вам еще жить да жить, а мне заказано: умрет Есенин — не станет и меня. А то, что сегодня, 29 декабря двадцать пятого года, он повесится, — неминуемая реальность. Исторический факт.

АДМИНИСТРАТОР *(жалобно)*. Можно, я пойду к себе? Мне дурно.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(жёстко)*. Сядьте, администратор! Наш разговор не закончен.

Администратор с обреченным видом садится на стул.

Я, собственно, что потребовал от вас при нашей первой встрече? Ведь всего ничего: присмотреть за Есениным — раз, оградить его от назойливых дружков и девок — два и подготовить к моему приходу этот проклятый пятый номер — три. Всё! Вы же...

Администратор. Прошу прощения, но пятый номер...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Потрудитесь не перебивать! Вы же, разрази вас гром, набив карманы моими деньгами, и шага не ступили, чтобы выполнить мои наказы. Зарубите себе на носу: я

приветствую черную неблагодарность по отношению к другим, но относительно себя ее не потерплю.

Администратор (*ерзая на стуле*). Если так... если на то ваша воля, я готов вернуть вам всё до гривенника.

Черный человек. Ой ли? А как же шикарный ужин, устроенный вами вчера в ресторане для горничной Липочки? Половину моего аванса просадили! Но и на этом не остановились. Сначала купили ящик зубровки и поливали этой мерзостью сугробы, а по дороге домой осчастливили кондуктора трамвая, приняв ополоумевшего старика за извозчика.

Администратор. Был выпивши, да. И малость того... разошёлся.

Черный человек. Малость? Видели бы вы себя со стороны! Сообщу вам и прискорбную новость: сегодня утром, когда вы ушли на службу, ваша жена обнаружила оставшиеся деньги под стелькой вашего левого башмака и благополучно их присвоила.

Администратор (*мямля*). Она не могла... Жена не шарит в моей обувке. Это неправда.

Черный человек. Вы меня окончательно разочаровали. Стал бы я говорить вам о том, чего не знаю. А знаю я все! Или почти все. О прошлом, о будущем... Сейчас, к примеру, к нам пожалует Луначарский.

Администратор. Не пожалует. Не такой уж вы ясновидец, каким себя представляете.

Черный человек. Любопытно.

Администратор. Третьего дня я запретил этому еврею торговать в гостинице. Теперь он продает свою фальшивую бижутерию на улице.

Черный человек. Мой Луначарский вашему однофамилец. Берите выше.

Администратор. Куда уж выше? Соломон Луначарский ходячий денежный мешок.

Черный человек. А я говорю: берите выше!

Пауза.

Администратор. Не хотите ли вы сказать...

Черный человек. Туго же вы соображаете!

Администратор *(бледнеет)*. Неужто... это народный комиссар просвещения?

Черный человек. Дошло наконец?

Администратор *(глотая воздух)*. А... А... Анатолий Васильевич?

Черный человек. Он самый. Я отлучил его на время от очередного заседания в Совнаркоме.

Пауза.

Администратор *(обретя дар речи)*. Вы не обманываете?

Черный человек. Честное рабоче-крестьянское!

Администратор *(громко простонав)*. Вы убили меня! Живым закопали! *(Подхватывается.)* Что же делать, господи? Куда бежать? С чего начать? Мать честная! Повсюду пылища, половики заплеваны, в общих номерах нечищенные унитазы...

Черный человек *(с издевкой)*. Что я слышу? В лучшей гостинице страны есть нечищенные унитазы? Ай-я-яй! В высшей степени несолидно. Пользуясь вашей терминологией, «прямотаки» безобразие. Кстати, почему в коридоре такая темень? Неровен час, ошибешься номером и вломишься к соседу. Экономите на лампочках?

Администратор *(жалобным голосом)*. Что лампочки? Что темень? Это чепуха... Тут сам Луначарский нагрянет! Со свитой, с охраной...

Черный человек. Не трепещите, милейший. Наш нарком появится инкогнито. Как и другие.

Администратор *(выпучив глаза)*. Что?! Разве будут и другие? Пропал! С головой пропал!

Черный человек. Хватит причитать! Сколько я обещал вам добавить? Пять червонцев? Возьмите. *(Засовывает деньги администратору за пазуху.)* Это за молчание. Уяснили?

Администратор. Буду нем как рыба.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. А теперь проваливайте! Надоели.

АДМИНИСТРАТОР *(раболепно)*. Быть может, товарищ Луначарский пожелает угощения? Я устрою. В нашем ресторане отличная кухня.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Товарищ Луначарский перебьется. Лучше унесите отсюда грязные стаканы и бутылки, а погода обойдите ближайшие номера.

АДМИНИСТРАТОР. Зачем?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Наверняка у Есенина тут каждый второй если не знакомый, то собутыльник.

АДМИНИСТРАТОР. И что с того?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я не хочу, чтобы в соседних номерах по глупой случайности оказались чернила.

АДМИНИСТРАТОР. Умно... Предусмотрительно.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(показывает на разбросанные на столе книжки)*. Любит он это дело — шлаться с утра до ночи по соседям, декламировать под рюмочку «свою дохлую томную лирику» и раздаривать книжки.

АДМИНИСТРАТОР. Отправляюсь сию же минуту! *(Собирает стаканы и бутылки.)* Вас не затруднит всунуть мне под мышку вон ту бутылочку?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нисколько.

АДМИНИСТРАТОР. Премного благодарен. До свидания! *(Направляется к выходу.)*

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Наше свидание не за горами. Через полчаса поэт Маяковский отвесит вам оплеуху, и вы прибежите ко мне жаловаться.

АДМИНИСТРАТОР *(застывает)*. Меня будут бить?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Один раз, а надо бы больше.

АДМИНИСТРАТОР *(лепечет)*. Но за что, помилуйте? За какие грехи? В чем вина моя, Господи Иисусе? Что обозвал вас «дьяволом»? Так он же, лукавый, меня и попутал! Что покутил на ваши деньги? Так я отработаю, не щадя живота своего. Как же я покажусь в битом виде на улице? Что объясню жене и

малым деткам?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. У вас нет детей, администратор. Даже внебрачных. Кому вздумали врать?

АДМИНИСТРАТОР. Каюсь, господин Черный человек, приврал! Ради пощады к себе. Еще никто не тронул меня, не ударил, а щека уже пухнет, уже горит. Нельзя ли как-нибудь иначе со мной, без пощечины?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Скажите об этом Маяковскому. Я убогих не трогаю. Пошевеливайтесь! Ко мне придут с минуты на минуту.

АДМИНИСТРАТОР. Ухожу... Не гневайтесь. *(Открывает дверь.)* Судный день! Сказать кому — не поверят. Луначарский, Есенин, Маяковский... А хороводит всеми человек, выпрыгнувший из книжки. Судный день! *(Выходит.)*

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(с отвращением)*. Стервятник! Такой своего не упустит. Будет пить кровь, пока та не полезет обратно. А ведь как расшаркивается, как лебезит перед Есениным! Ну просто отец родной. *(Прислушивается.)* О! Луначарский прибыл. Осторожен-то как! Словно по минному полю идет. *(Приоткрывает дверь, громко.)* Я здесь, нарком! Не ушибитесь в темноте! Там, вдоль стен, расставлены фикусы в кадках.

Входит нарком Луначарский; одет в длинное пальто с меховым воротником, на голове низко посаженная каракулевая папаха, на носу пенсне.

Долго же вы добираетесь! *(С ухмылкой.)* Отвыкли ходить пешком или кружили по Петрограду, замечая следы?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Нельзя ли потише, товарищ Черный человек? *(Плотно закрывает за собой дверь.)* Зачем же так кричать? Вы всполошите всю гостиницу. Здравствуйте вам.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(недружелюбно)*. Во-первых, нарком, я вам не товарищ, а во-вторых, утром мы уже виделись.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Да, в Совнарком. Я помню. *(Вертит головой, высматривая, нет ли в комнате посторонних.)* Мы одни?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Пока да. Говорите громче, я вас почти не слышу.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Прошу прощения, несколько теряюсь из-за вашей внешности.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Что так?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Очень уж вы похожи на будущего ... гм, покойника. В дрожь бросает.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. За неделю нашего знакомства могли бы привыкнуть.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Можно ли к вам привыкнуть, судить не берусь, а вот потерять рассудок от вашей затеи вполне реально. *(Сняв шапку, заглядывает за дверь ванной комнаты.)* Где он сейчас?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. В ресторане.

ЛУНАЧАРСКИЙ. В гостиничном?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нет, на площади Декабристов.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Пьянствует?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Наоборот, ни в одном глазу.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Что-то не верится. Ресторан и трезвый Есенин — понятия несовместимые. А не получится так...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не получится. В ближайшие два часа он здесь не появится. *(Садится в кресло.)* Проходите, нарком. В шкафу есть свободная вешалка; можете раздеться.

ЛУНАЧАРСКИЙ *(протирая запотевшие стекла пенсне)*. Если не возражаете, я останусь в пальто. Хвораю. После свиданий с вами у меня всякий раз поднимается температура.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Завтра поправитесь. Более того, рано утром, когда вам телефонируют о смерти Есенина, вы даже не вспомните о моем мистическом существовании.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Дай-то Бог.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Что же вы стоите, Анатолий Васильевич? Садитесь.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Будьте добры, не называйте мое имя и должность.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вы еще попросите меня общаться с вами жестами глухонемых.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Беспечный вы человек! Доложу по секрету, что в «Англетере» каждый второй работник завербован ГПУ.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вот как?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Располагаю достоверной информацией. Поэтому не играйте с огнем, молодой человек. Стены, знаете ли, тоже имеют уши.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Учту непременно. Сядьте же наконец! Мне надоело задирать голову.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Да... Благодарю. *(Садится.)*

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не желаете ли выпить?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Нет.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Исключительно для согрева. Я закажу вам шкалик.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Извините, но я не пью.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. И, наверное, не курите?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Нет.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. И «налево», конечно, тоже не ходите?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Как это?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. По девочкам, Анатолий Васильевич.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Боже сохрани!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Надо же! С вас можно писать икону.

ЛУНАЧАРСКИЙ *(хмуро)*. Вижу, у вас игривое настроение.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Настроение у меня как раз преотвратительное.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Тогда вы неуместно шутите.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(презрительно)*. Я не шучу, нарком, а злорадствую. Больно вы осторожный и праведный. Таким стерильным, как вы, мне всегда хочется сделать какую-нибудь пакость. Руки чешутся!

ЛУНАЧАРСКИЙ. Ах, оставьте при себе ваши угрозы. Мне скверно и без них. В последние дни я совершенно измучился. Почти не сплю и хватаюсь за сердце при любом неожиданном

звук, будь то скрип или шорох. (*Прижимает руку к груди.*) Вот и сейчас жмет неотступно. Нет ли в номере воды? Я принял бы несколько капель валерианы.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вода в графине. Стаканов нет. Администратор унес. Позвать?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Ни в коем случае! Доконаете вы меня... Я потерплю. (*Осматривается.*) Странное, однако, вы выбрали место для его самоубийства.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Почему? (*Тоже смотрит по сторонам.*) Отдельный номер, гнетущая обстановка, прочная труба... Все условия.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Так-то оно так... Но лучше бы Есенин покончил с собой подальше от города, где-нибудь на отшибе: бросился бы, скажем, под паровоз на глухом полустанке или кинулся бы с камнем на шее в Неву.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Гм.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Ваш выбор чреват неприятностями. Не забывайте, что «Англетер» гостиница с именем и давними традициями. К тому же в ней уйма иностранцев.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Под паровоз, говорите? А вас какой поезд больше бы устроил, пассажирский или товарный? (*Склоняется над Луначарским.*) Интересный вы человек, Анатолий Васильевич. Насколько мне известно, в правительстве вас считают самым интеллигентным министром, да и в народе вы слывете за просветителя и гуманиста. И что же я слышу? Камень на шею, голову на рельсы... На какие же тогда мерзости способны ваши коллеги? (*Выпрямляется.*) И представить боюсь!

ЛУНАЧАРСКИЙ (*смутившись*). Вы слишком буквально восприняли мои слова, молодой человек. Любопытно, что бы вы сказали, предложи я повесить Есенина в деревенской избе на рукаве рубахи? А между тем я всего лишь повторил бы строки его раннего стихотворения.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*ухмыльнувшись*). Читал. Занятно написано. Главное, жизнеутверждающе.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Поэтическое фиглярство. (*Щелкает портфельными замками.*) Я хотел бы перейти к делу.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. К делу, так к делу.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Я подготовил то, что вы просили.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Принесли?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Только показать. Черновой вариант, сами понимаете. Требуется доработки. (*Достает из портфеля пачку исписанных листков.*) Прошу.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*взвешивает на ладони*). Увесистый труд.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Не считая вставок, пятьдесят страниц.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ого! Вы превзошли все мои ожидания. Когда намерены опубликовать?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Спустя пару недель после его похорон. Утихнет ажиотаж, и опубликую. Вероятнее всего, в издательстве Коммунистической академии. Общее название статей «Есенинщина». В них обо всем: о тлетворном влиянии Есенина на современную молодежь, об отсутствии у поэта настоящих идеалов, о распространении упаднических взглядов и религиозной направленности некоторых стихов... Вас устраивает название «Есенинщина»?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Сойдет. (*Читает.*) «Мы не помогли ему достаточно. Это верно...» Что за почерк у вас, Анатолий Васильевич? Как у бурсака-первогодка. (*Продолжает читать.*) «Я думаю, что настоящая среда могла бы все-таки помочь Есенину, не в самое последнее время, тогда он был почти безнадежен, но раньше. Его надо было втянуть в здоровую общественность». Лихо! «Организованная среда», «втянуть»... Далее в том же духе?

ЛУНАЧАРСКИЙ. В общем, да.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Полагаю, вы справились. С вашей подачи творчество Есенина наверняка запретят лет на сорок. Антипоэзия, антипоэт... Я удовлетворен.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Рад, что угодил. (*Протягивает руку за бумагами.*) Я могу быть свободен? Мне действительно нездоровится. Знобит.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*швыряет со злостью бумаги на стол*). Довольно, нарком! Вы здоровее меня будете! А лихорадит вас от самого обыкновенного страха, потому как всю эту неделю вы являетесь соучастником моего злодеяния. Нормальные люди готовятся в эти дни к встрече Нового года, а мы — да, да, нарком, вы и я! — к самоубийству популярного поэта. (*Понизив голос.*) Скажите, Анатолий Васильевич, за что вы недолюбливаете Есенина?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Я?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вы! Со мной-то все ясно, я по сути своей его заклятый и непримиримый враг. А вот вы?

ЛУНАЧАРСКИЙ (*насупившись*). А за что мне его любить, этого самородка от сохи, ситцевого красавца? К вашему сведению, я тоже пишу стихи, у меня есть опубликованные драмы и переводы, я издан за рубежом. И что же? Кто знает о поэте и литераторе Луначарском? Никто! Ни известности, ни успеха, ни поклонников.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Печально.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Это, прежде всего, обидно! На какой поэтический вечер или диспут ни заглянешь, одно и то же: Есенин, Маяковский, Блок... Блок, Маяковский, Есенин... А как же я? А другие пролетарские поэты?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Завидуете, значит? По глазам вижу, завидуете. А хотите, я поменяю вас с Есениным местами? Еще не поздно. Объем шеи у вас одинаковый.

ЛУНАЧАРСКИЙ (*выставив перед собой руки*). Ну уж нет, увольте! Я пока что не спятил.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Знаю, нарком! В том-то и загвоздка, Анатолий Васильевич, что вы жаждете литературной славы, да только такой, которая досталась бы вам малой кровью. А так не бывает. Предлагаю вам задачу с двумя неизвестными. Один поэт — человек благопристойный и степенный, сдержанный во всех отношениях и сухой, как лист в гербарии, другой — мечтатель и смутяня, ранимый до спазм в горле, вечно чумной от бессонного

творчества. Как вы думаете, кто из них способен на такие строки: «Дух бродяжий, ты все реже, реже расшевеливаешь пламень уст, о моя утраченная свежесть, буйство глаз и половодье чувств»? Вслушайтесь в музыку этих слов, нарком: «половодье чувств»! Что молчите? Трудна задача или неприятен очевидный на нее ответ? *(Тряхнув головой.)* А вам славу подавай! Вы не то что славы, запаха ее не заслужили! *(Хмыкнув.)* Стихи он, видите ли, пишет! Настоящие стихи, Луначарский, пишутся, когда душа поёт, неважно как, радостно или грустно, но поёт; а не тогда, когда объявлен перерыв в заседании. Надеюсь, вы меня правильно поняли? А то, чего доброго, напьетесь сегодня для куражу, наблюдёте у стен Совнаркома и отправитесь за ощущениями в какой-нибудь подпольный бордель. Даже если так, то, поверьте мне на слово, «Персидские мотивы» и «Анну Снегину» вам не написать. Не дано!

ЛУНАЧАРСКИЙ *(уязвленный)*. Не предполагал, что меня здесь будут оскорблять.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да ну! А на что вы рассчитывали, притащив сюда свои уничижительные статейки? На восторженные дифирамбы? Если я и одобрил вашу писанину, это вовсе не означает, что я ею восхищен. В одном готов склонить перед вами голову: вы оказались еще хуже меня.

ЛУНАЧАРСКИЙ *(резко встает)*. Это переходит всякие границы! Я просто не нахожу слов.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да, нарком, хуже! Греховнее. Я караю Есенина днем сегодняшним, вы же *(тычет пальцем в записи Луначарского)* убиваете его будущее! Ваше зло стократ опаснее, оно равносильно проклятию. *(Насторожившись.)* Тихо! Кажется, у нашей двери появился непрошенный гость. Кто бы это? *(Пристально смотрит на дверь.)* Плечистый, толстоносый, с кавалерийскими усами... Э, куда вы, Анатолий Васильевич?

ЛУНАЧАРСКИЙ. За штору! Это Буденный.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Буденный?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Да! Нарком обороны. *(Исчезает за портьерой;*

вполголоса оттуда.) Силы небесные! Выследил! И так уже вторую неделю... Разве я виноват, что его жена предпочитает культурное обращение?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*насмешливо*). А вы, оказывается, ловелас. Тогда уж в окно сиганите. Этаж, если помните, первый; не расшибетесь. (*Хохотнув.*) Чудак-человек! Выходите! Нашли, где спрятаться. Это не Буденный, этот и ростом повыше, и грудь без орденов.

ЛУНАЧАРСКИЙ (*высовывается из-за шторы*). Откуда вы знаете, что это не он?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Сквозь стену вижу.

Входит Бугров, человек гренадерского роста и военной выправки; трость держит у бедра так, словно она прикреплена к портупее. На Бугрове кожаное пальто, высокая кепка и сапоги с длинными голенищами.

БУГРОВ (*нарочито изображая из себя иностранца, с деланным акцентом*). Bonjour, monsieur!¹

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Бонжюры бонжюрами, но почему без стука?

БУГРОВ. Pardon², но мой вопрос не терпит отлагательства. Я крайне озабочен и спешу.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Мне-то что до вашей спешки?

Луначарский осторожно появляется из-за шторы.

БУГРОВ. Demande pardon, mon cher Essenine³, но я не к вам. Мне нужен некто Un homme noir⁴, Черный человек. Он должен быть в соседнем номере. Ayez l'obligeance⁵, вы не подскажете, где бы я мог его найти?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Черный человек — это я.

БУГРОВ. Vous?⁶

¹ Здравствуйте, сударь! (*франц.*).

² Извините (*франц.*).

³ Прошу прощения, дорогой Есенин (*франц.*).

⁴ Черный человек (*франц.*).

⁵ Будьте любезны (*франц.*).

⁶ Вы? (*франц.*)

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да.

БУГРОВ. Перестаньте меня разыгрывать.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Мне не до розыгрышей! И кто вы такой, чтобы я ломал перед вами комедию?

БУГРОВ. Вы навернякахватили лишнего, Серж.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ни я, ни ваш «Серж» сегодня не пили.

БУГРОВ (*в растерянности*). Снова пардонирую, то есть извиняюсь, молодой человек, но вы... ни дать ни взять, Есенин. Вылитый! Я же не слепой. Убрать немного морщин, излишнюю бледность — и в чистом виде его копия. Вы его брат? Близнец?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. У Есенина нет братьев.

БУГРОВ (*окончательно сбит с толку*). Ничего не понимаю.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вас смущает мое сходство с поэтом?

БУГРОВ. Смущает? Да я в полном смятении! Хотя... (*После паузы.*) Я вообще-то не против... Черный так Черный. Судя по наряду и наружности, вы именно тот, кто мне нужен. (*Приглядывается к Луначарскому.*) А вы?.. Вы же месье Луначарский! Вот так неожиданность! День сюрпризов! Какими судьбами, месье министр?

ЛУНАЧАРСКИЙ (*кутаясь в воротник пальто*). Не имею чести. Вы обознались.

БУГРОВ. Неужто не признали? Я же Бугрэ! Un, deux, trois, quatre...¹ четыре года назад я посещал ваше министерство по поводу *tourne de madame Duncan*² по России. Это было накануне ее *mariage*³ с Есениным.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Повторяю: вы обознались. (*Нахлобучив папаху на лоб.*) Мое почтение, товарищи.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Минутку, Анатолий Васильевич! Утолите любопытство. Что такое трерядница?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Тре... Что?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Трерядница. Есенин назвал этим словом один из своих ранних сборников. (*Показывает книжку.*) Видите?

¹ Раз, два, три, четыре (*франц.*).

² Гастролей госпожи Дункан (*франц.*).

³ Брак (*франц.*).

ЛУНАЧАРСКИЙ. Треядница... Что-то старорусское. Праздник, обряд, название гармоника. Пожалуй, это гармоника. Прошу прощения, товарищи, но мне пора. Я записан на прием к врачу. До свидания. *(Выходит.)*

БУГРОВ. Так я не ошибся? Это был Луначарский?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Собственной персоной. Флагман советской интеллигенции. Уже сейчас вдохновляет и пестует таких отпетых ублюдков, что к середине века от этой самой интеллигенции в России останутся рожки да ножки. Между прочим, поэт. Не слышали?

БУГРОВ. Нет.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вот и я не слышал. А теперь скажите что вы за птица.

БУГРОВ *(поклон с достоинством)*. Жан-Мишель Бугрэ, импресарио мадам Дункан. Прошу, моя визитная карточка.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Оставьте ее при себе. Чем занимаетесь?

БУГРОВ. Вы не расслышали? Я импресарио! Помогаю la grande¹, знаменитой американке гастролировать по Европе, устраиваю ее концерты и спектакли. *(Заговорщицким тоном.)* Госпожа Дункан меня обо всем информировала: о вас, о предстоящей акции, о последствиях... Я приехал в Петроград из Парижа. Возникла нужда обсудить с вами кое-какие детали tête-à-tête².

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(подвигает ногой стул)*. Садитесь.

БУГРОВ. Не пройти ли нам в ваш номер?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. А мы где, по-вашему? Пальто советую не снимать. Задубеете от холода. Садитесь же.

БУГРОВ. Я постою. *(Не перестает удивляться.)* Нет, это невероятно! Те же глаза, те же брови, те же волосы. Ressemblance trappante!³

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Красивая у вас трость. Вы позволите?

БУГРОВ. Je vous prie⁴.

¹ Великой *(франц.)*.

² Наедине *(франц.)*.

³ Поразительное сходство *(франц.)*.

⁴ Пожалуйста *(франц.)*.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*взяв у Бугрова трость*). Где купили?

БУГРОВ. В Германии.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Поди ж ты, в Германии. Тяжелая штука. Из чего набалдашник?

БУГРОВ. Слоновая кость.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*ударяет по столу тростью Бугрова*). Если этой палицей да треснуть по физиономии, то, пожалуй, и убить можно. Как считаете?

БУГРОВ. Не совсем вас понял.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ладно, это я так... Если не секрет, почему у французского импресарио ивановский выговор?

БУГРОВ (*не сразу*). Какой, вы сказали, выговор?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ивановский.

БУГРОВ. Вы что-то путаете. Я родился в Шампани.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не валяйте дурака! Вы такой же француз, как я китаец.

БУГРОВ. Я готов предъявить свой паспорт.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Он который у вас по счету?

Пауза.

БУГРОВ. Месье Черный человек, зачем вам непременно знать, кто я на самом деле? Вопрос, который я хотел бы затронуть, моей особы не касается.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Это как посмотреть! Скорее наоборот, иначе вы не явились бы сюда, отмахав две тысячи миль.

БУГРОВ (*после мучительного колебания*). Хорошо! (*Встает, щелкает каблуками; на чистом русском.*) Разрешите представиться: бывший поручик царской армии, кавалер Георгия второй степени Иван Михайлович Бугров. Служил у генерала Каледина и барона Врангеля. После Перекопа, где армии Врангеля врезали по первое число, бежал в Турцию. В настоящее время французско-подданный. Но я не ивановский, я из Костромы. Это неподалеку.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Так-то лучше. (*Усмехнувшись.*) Вольно, поручик! Садитесь.

БУГРОВ. Благодарю. (*Садится.*)

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Итак, вы импресарио. Армейский офицер, а потом импресарио.

БУГРОВ. Так точно!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Но как вам удалось столь разительно изменить свою жизнь? Согласитесь, метаморфоза несколько необычная: из седла и окопов в богемные салоны.

БУГРОВ. Это долгая история, месье Черный человек.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. А вы вкратце, по-военному.

БУГРОВ. Ну, коль вы настаиваете... Начну с того, что родом я из довольно зажиточной дворянской семьи, чопорной и консервативной. В отрочестве по прихоти родителей меня основательно натаскали во французском языке, обучили музыке, танцам и прочим светским выкрутасам. Мой отец почему-то решил, что я должен стать преуспевающим дипломатом. Ничего, что я об этом?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Продолжайте, я слушаю.

БУГРОВ. Дипломата из меня, разумеется, не вышло. Единственное, на что хватило моих способностей, так это на поступление в политехнический институт, да и там я продержался недолго: отчислили за неуспеваемость. В отличие от отца, который не замедлил от меня отречься, я принял исключение как должное и уже через месяц работал в местном театре.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. В Костромском?

БУГРОВ (*кивает*). Туда меня протежировала... Впрочем, это не важно. Я закурю, если вы не против.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Курите.

БУГРОВ (*открывает портсигар*). Прошу.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Есенин предпочитает трубку.

БУГРОВ. Но вы-то не Есенин.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Скажем так, я ему подражаю.

БУГРОВ. Следуете его привычкам?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Фанатично.

БУГРОВ (*закуривает*). Это было счастливое время, месье Черный человек...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Работа в театре?

БУГРОВ. Именно! Не прошло и двух месяцев, как я уже играл Скалозуба в «Горе от ума» и репетировал Трофимова в «Вишневом саде», а был зачислен, между прочим, простым статистом. (*Мрачнеет.*) И вдруг, как снег среди лета, срочная мобилизация. А за ней пришел конец и моему недолгому счастью. Вместо сцены — казарма, вместо бабочки на шее — шинель-скатка. Почему вы улыбаетесь?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Живописно рассказываете, Иван Михалыч. Как-нибудь попробуйте себя в беллетристике. Я правильно запомнил ваше имя?

БУГРОВ. Так точно. Жан-Мишель — это я на французский манер.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ну, и что же было дальше? С родным Поволжьем пришлось расстаться?

БУГРОВ. Увы, навсегда. Сначала окопы мировой войны, потом гражданской; за шесть лет три ранения и две контузии, два плена и один холерный барак. В меня стреляли, я стрелял, меня убивали, я убивал... Такая вот арифметика. Теперь понимаете, почему я не хотел с вами откровенничать? За мои былые подвиги здесь по головке не погладят. (*Тушит сигарету.*) Во Францию я перебрался осенью двадцатого. Жить, разумеется, не на что. Ни денег, ни профессии, ни связей. Тут-то мне и пригодились театральные навыки и «светское» воспитание. Откликнулся на какой-то мудреный конкурс с чтением стихов, вокалом и музицированием и был принят в неплохой парижский театр. Как раз там, на одном из банкетов, случай свел меня с Дункан. Оказалось, что американке позарез требовался новый импресарио: предыдущий то ли сбежал от нее, то ли не понравился очередному любовнику.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. И вы сразу же ей подошли?

БУГРОВ. Поладили за пару минут. Странно, да?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ничуть. Дункан для вас лакомый кусок, не так ли?

БУГРОВ (*вздыхает*). Точнее сказать, была им. До появления

Есенина. Этот ветрогон и сумасброд в мгновение ока спутал все карты. Не удивительно, что при нем и особенно после их разрыва наши доходы неумолимо пошли на убыль. Да и саму Айседору словно подменили. Вот где истинно метаморфоза! Другой человек, другая женщина. За что ни возьмется, — едва начав, бросает, не успеет посадить — уже корчует.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Определенно, в вашем лице гибнет писатель.

БУГРОВ (*махнув рукой*). Располнела, стала заглядывать в рюмку... Держится на плаву благодаря былой славе. Только и того, что танцует в прежней манере: заламывая руки, босиком и в хитоне. На подобной мякине далеко не уедешь.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нерасстраивайтесь, господин импресарио. Вскоре вашим мучениям наступит конец.

БУГРОВ. С'est-a-dire? ¹

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*раздраженно*). «Сэтадир», «сэтадир»! Оставьте при себе ваши французские словечки! Я вам не гарсон и не шлюха с Монмартра. Вы же волжанин, Бугров! Так и будьте им, по крайней мере, до тех пор, пока стоите на родной земле. Берите пример с Есенина. Тот признаёт только русский, и если услышит где-то исконно русское, подзабытое и забористое слово, то вне себя от радости. Смакует на все лады! Бывало, до такой степени изводил других поэтов архаичными словами, что те прятались от него в отхожем месте. Натуральным образом прятались! Кому приятно, что тебя постоянно хапают за лацканы пиджака, трясут, как грушу, и требуют сказать, что такое «склень», «сутемень» или «плакида»? А вы морочите мне голову своими «бонжюрами» и «сэтадирами». Тошно слушать!

БУГРОВ. Не сердитесь, я же не нарочно. Обещаю, впредь ни звука по-французски.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ловлю на слове. О чем бишь у нас шел разговор?

БУГРОВ. Об Айси. Об Айседоре Дункан.

¹ То есть? (*франц.*)

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Так вот, господин импресарио, скоро она отправится к праотцам вслед за Есениным.

Бугров. Как отправится?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК делает вокруг шеи петлевидный жест рукой и показывает глазами на потолок.

Неужели вы и ее повесите?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*аплодирует*). Браво, Бугров! Забудьте мой совет насчет писателя. Рекомендую после гибели Дункан заняться предсказанием будущего. Доходное дело, да и слово «оракул» звучит не менее престижно, чем «импресарио».

Бугров (*нобагровев*). Вы совершенный негодяй, сударь! Вы маньяк!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*довольный собой*). Вона, как вас задело! Ощетинились, словно фокстерьер. (*Хлопает Бугрова по плечу.*) Отставить, поручик! К смерти вашей дойной коровы я не буду иметь ни малейшего отношения. Моя реакция вызвана лишь тем, что вы почти угадали способ, каким балерина уйдет из жизни.

Бугров. Способ?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Угу. Через два года в развеселом курортном городке Ницце после вечернего спектакля мадам Дункан удавится собственной шалью...

Бугров. Чушь собачья!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Розовой, кажется. По роковому стечению обстоятельств эта штука запутается в спицах заднего колеса ее спортивного лимузина, потом затянется на белоснежной шее своей хозяйки и благополучно ее задушит. Вам, Иван Михалыч, или, если угодно, Жан-Мишель, следовало бы предостеречь бедняжку от подобных рискованных поездок — на высокой скорости, с открытым окном, да еще с таким форсом, чтобы шаль развевалась за спиной на ветру.

Бугров (*глухо*). Выдумываете... Я вам не верю.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ну и зря. Разве Айседора не сообщила

о моих демонических способностях? Для меня жизнь любого человека что открытая книга.

БУГРОВ (*подумав*). Тогда благодарю, что предупредили. Завтра же запрещаю Айседоре кататься на автомобилях и пересмотрю весь ее гардероб.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Решили изменить судьбу своей Айси?

БУГРОВ. Непременно.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Благородный порыв. Хвалю! Замечу лишь, что недавно, на случай своей смерти, Дункан составила завещание, по условиям которого половину своего состояния передает в вашу пользу.

Пауза.

БУГРОВ. Повторите, пожалуйста.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я сказал, что по указанному документу вам завещана половина ее состояния. Везунчик вы, Иван Михалыч! Наследство-то после смерти примы будет с шестью нулями. Но об этом в другой раз...

БУГРОВ (*хватает Черного человека за руку*). Отчего же в другой раз? Вот еще!.. Нотариальный документ! А вы — «в другой раз». (*Вытирает картузом взмокший от пота лоб.*) Наследство... с шестью нулями. Голова кругом. (*Плохо соображая, невнятно.*) Если разобраться, то кто я такой, чтобы вмешиваться в чью-то жизнь? Не хотелось бы, но если смерть предопределена... Шаль, колесо... Все под Богом ходим... Ведь так? Простите, я совершенно запутался. Я выпил бы воды.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нет стаканов.

БУГРОВ. Пустое, я выпью из графина. (*Пьет.*) С горлом что-то... Першит. (*Снова пьет.*) Надеюсь, вы ничего такого не подумали?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*в голосе сарказм*). Конечно, нет. Но примите мой совет: не начинайте с завтрашнего дня скупать во всех магазинах розовые шали и дарить их Дункан. Этим вы ее смерть не приблизите. Смерть наступит там и тогда, где и когда я вам указал. И, чтобы поставить все точки над «і»,

назову вам точную дату: 14 сентября 1927 года. А теперь скажите наконец, какого рожна вы прибыли в Россию? Досаждаете мне уже четверть часа, а я так и не понял, что вам от меня нужно.

Бугров. *Un moment, un moment...*¹ (*Прикрывает рот рукой.*) Извините, забылся. Никак не соберусь с мыслями... Я опять водицы... (*Пьет.*) Вот беда, воротник залил.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я жду.

Бугров. Да, да. Помнится, я говорил вам, что мой вопрос щекотливого свойства.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Короче!

Бугров. Словом, вы уверены, что Есенин совершит сегодня суицид?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*звучно хмыкнув*). Уверен ли? Убежден! За минувший месяц я извел бедолагу до такой степени, что по-иному он поступить не сможет. Откровенно говоря, я третировал его и раньше, незаметно так, исподтишка, но окончательно поставил на нем крест, когда в своей поэме он сделал меня козлом отпущения. Оказывается, это я, Черный человек, виновен во всех его несчастьях: и в том, что он напропалую транжирит свой талант и распутничает, и в том, что его имя не исчезает из судебных протоколов и скандальных газетных хроник.

Бугров. Но вы же сами не отрицаете...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Что приложил к его неприятностям руку? Еще бы мне отрицать! И пакостил ему, и искушал, и совращал. Но уж если ты причислил себя к великим поэтам, то, будь добр, найди в себе силы, дабы противиться всему чуждому тебе и постыдному. А то уселся в лодочку без весел — и, куда течение, туда и он; выбросит на берег — прекрасно, затянет в омут — так тому и быть. Отсюда и стихи у него в разных там «трерядницах» и «гусятницах» насквозь пропитаны духом смирения и покорности: все-то он, видите ли, «принимает», все-то он, невзирая ни на что,

¹ Одну минуту, одну минуту (*франц.*).

«приемлет». Тьфу! Однако я по-прежнему не возьму в толк, в чем состоит ваш интерес к смерти Есенина?

БУГРОВ. Я сомневаюсь в Дункан. Я боюсь, что она вас отговорит. Потому и приехал.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Отговорит? С какой стати? Она и Есенин расстались врагами.

БУГРОВ. О, вы не знаете этой женщины!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вздор! Я знаю Дункан лучше, чем вы и Есенин вместе взятые. Или, вы думаете, мне неизвестно, что после их разрыва она мечется из стороны в сторону, то проклиная бывшего благоверного отборной русской бранью, то хныча в подушку со словами: «Серьожка, милый мой Серьожка»? Знаю! Но при всех этих метаниях, уверяю вас, Дункан и пальцем не пошевеливает, чтобы спасти поэта. Глупая, наивная баба! Неужели, вступая в брак, она не понимала, что между нею и Есениным не просто разница в двадцать лет и языковой барьер, не просто расщелина, а страшная и бездонная пропасть? Неужели ей было невдомек, что они из разных миров, полярно-далеких духовно? Допустим, я могу понять Есенина: этот влюбчивый чудаков в одно мгновение обалдел от красоты и спелого тела балерины, от ее величия и вселенской славы. Обалдел, заметался «голубым пожаром» — и под венец. Но Дункан! Ей-то зачем понадобился этот союз? Сорок четыре года, выдавшая виды женщина, дока в амурах... В каком бредовом сне этой дряхлеющей заморской диве привиделось, что после женитьбы ее златокудрый избранник будет послушно следовать за ней по заграницам, а по вечерам в домашнем халате и шлепанцах мурлыкать ей свои стихи, в которых она ни бельмеса не смыслит? Дура! Выразился бы покруче, да не позволяют парадный сюртук и цилиндр.

Стук в дверь.

Кажется, пожаловала ваша несравненная Терпсихора.

БУГРОВ (*взволнованно*). А, черт! Я думал, она появится вечером. Не открывайте, господин Черный человек. Умоляю вас!

Нет нас... В сравнении с этим айсбергом в юбке я несчастнее «Титаника».

Стук в дверь повторяется.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да! Войдите!

Входит горничная, смазливая девушка в гостиничной униформе, с ведром и тряпкой в руках.

Горничная. Здравствуйте, товарищи! Не обращайтесь на меня внимания, я мигом.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Постой, постой! Ты кто?

Горничная. Горничная. Зовут Липой. *(Кокетливо.)* Для хороших знакомых — Липочка. Ваш номер не мой, но раз надо, то надо.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Липочка... Это не тебя я видел вчера в ресторане «Европейский»?

Горничная. Так и есть, была в нем. Дормидонт Петрович пригласил.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Дормидонт?

Горничная. Наш администратор.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Слышали, поручик? Здешний администратор, оказывается, Дормидонт. Я к тому, что вы всего-навсего какой-то там Жан-Мишель. Чего же ты хочешь, горничная по имени Липочка?

Горничная. Прибрать у вас. *(Подходит к столу.)* Раскричался только что, расшумелся...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Кто?

Горничная. Да администратор! Сказал, что в шестом номере много всякого хламу на столе.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. В шестом? Это пятый.

Горничная. Ошибаетесь, гражданин. На дверной бляхе значится «6». *(Убирает со стола остатки закуски.)* Вы в командировке тут? С ревизией?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. С чего ты взяла, что мы ревизоры?

Горничная. Определила по физии нашего администратора. Хи! У него, когда в гостиницу заявляются инспектора, завсегда

дергается глаз, а тут совсем худо: оба века чокаются. Жуть, как напуган! *(Продолжает уборку.)* Это вы обедали?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нет.

ГОРНИЧНАЯ. Удивляюсь, что стаканов нету. Обьедков полно, а стаканов не вижу. Брошюрки эти тоже в ведро?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да.

БУГРОВ. Зачем же? Книги ведь... Не нужно.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Забыл вас спросить! *(Горничной.)* Всё, что валяется на столе, — в ведро! Кроме вон той стопки бумаг и чернильницы.

ГОРНИЧНАЯ. Но она же пустая! Видите? Вверх дном стоит. Без чернил, значит.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Поставь на место! Этот прибор наполнят кое-чем другим.

ГОРНИЧНАЯ. Как прикажете. *(Берет со стола одну из книжечек.)* Ух ты, знакомое название! *(Читает по слогам.)* «Тре-ряд-ница».

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Откуда знакомое? Читала?

ГОРНИЧНАЯ. Стала бы я! Это ж не любовный роман. Просто такие книжки мне уже попадались в номерах. Хи! Я их тоже в ведро, а потом в котельную на растопку.

БУГРОВ. Не жалко было?

ГОРНИЧНАЯ. А чего их жалеть? Пошарпанные, засмальцованные; выглядят хуже журналов и газет. *(Открывает книжку.)* Стихи. Тра-та-та, тра-та-та... Дурачье эти поэты! Вместо того чтоб писать нормально, пишут столбиком. Говорят, тут рядом живет один... Сеня, вроде бы.

БУГРОВ. Сеня?

ГОРНИЧНАЯ. Сеня. Говорят, красавчик и весь расфуфыренный. Бабы с ума сходят. Знаменитость! А по мне, водились бы деньжата. *(Бросает книжки в ведро.)* Только добра этого, скажу вам, у них никогда не бывает. Сами занимают. *(Вытирает стол тряпкой.)* Всё! Стол чистый. Отдыхайте, товарищи. Бутылки, что под кроватью, я вынесу потом, когда приду поменять постель.

Если понадобится, то кликните меня из служебной. Или к-липните... Хи! Липочку тут каждый знает. *(Выходит.)*

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Соблазнительная особа. Не зря за ней увивается администратор. Как вы думаете, у нее настоящая родинка?

БУГРОВ *(размышляя о своем)*. Какая родинка?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. На левой щеке.

БУГРОВ. А-а... Настоящая.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. А я думаю, накладная. Мушка. Вы бы не теряли даром времени, Иван Михалыч. Пригласили бы девушку куда-нибудь отдохнуть, развлеклись бы. Интеллект у нее, конечно, ниже низшего предела, даже номера комнат путает, но во всем остальном она просто конфетка. Пользуйтесь моментом, поручик! Ваши пышные усы ей определенно понравились.

БУГРОВ. Глупости.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Понравились, понравились.

БУГРОВ. Но мы не закончили разговор.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вы опять за свое?

БУГРОВ *(настойчиво)*. Да! Я хочу твердо знать, что сегодня с Есениным будет покончено раз и навсегда! Его дальнейшее существование сведёт Айседору с ума.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не велика беда.

БУГРОВ. Не говорите так, вы понятия не имеете о наших проблемах. Только в этом году под различными предложениями я был вынужден отказаться от четырех выгодных гастролей. А все Дункан! То она не может танцевать из-за болей в суставах, то у нее мигрень, то вдруг депрессия и творческий спад. Знаю я, откуда ноги растут! *(С жаром.)* Поэтому умоляю вас, господин Черный человек, могу упасть перед вами на колени, доведите задуманное до конца! О чем бы вас Дункан ни просила, как бы ни распиналась за Сергея, не отступитесь! Умрет Есенин — возродится к жизни Дункан.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Какие страсти! Напрасно переживаете, Иван Михалыч, просьб и стенаний от Дункан не предвидится. Жаль, что вы не присутствовали при нашей встрече в Нью-Йорке.

Она метала там такие молнии при слове «Есенин», что не приведи господи. Между ними пробежала не одна сотня черных кошек.

БУГРОВ (*угрюмо*). Мне бы вашу уверенность.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*ироничным тоном*). Ладно, отставной гусар! Буду тверд, как камень. Можете заказывать хвойный венок и четное число цветов. Туды его!

БУГРОВ. Это ваше окончательное решение?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Окончательней не бывает. Похороны в Москве, погребение на Ваганьковом кладбище. Если не уедете в Париж, милости прошу, приходите.

БУГРОВ. Спасибо. Вы очень меня успокоили. Не смею более задерживать.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Сделайте одолжение.

БУГРОВ. Вы уж не взыщите за мое французское выпендривание.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ничего, это было забавно.

БУГРОВ. И вот еще что...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не волнуйтесь, о вашем визите Дункан не проведаст. Считайте, что мы не знакомы.

БУГРОВ. С вами страшно общаться, господин Черный человек. Вы словно читаете чужие мысли. Честь имею! (*Выходит.*)

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*подойдя к двери, кричит в коридор*). Комната горничных в конце коридора, Иван Михалыч! По правую сторону! (*Закрывает дверь.*) Мерзкий тип! Ради денег не пощадит и мать родную. В одном достоин уважения: не робкого десятка и не ёрничает. Тот же Луначарский и в подметки ему не годится. (*Подходит к кровати, вынимает из чемодана рубаху и, смотрясь в зеркало-трюмо, примеряет ее.*) Странно... Длинновата. (*Примеряет другую рубаху.*) Эта и вовсе балахон, в ней поместятся два Есенина. (*Роемся в чемодане.*) Мыльница, одеколон, пижама... Есенин сроду не носил пижам. Хм... И галстуков нет, а он без них ни шагу. Не наш чемодан, это ясно. Наверно, оставил кто-то из его гостей.

З а н а в е с .

Действие второе

Там же.

Черный человек (*роясь в чемодане*). Мыльница, одеколон, пижама... Есенин сроду не носил пижам. Хм... И галстуков нет, а он без них ни шагу. Не наш чемодан, это ясно. Наверно, оставил кто-то из его гостей. (*Закрывает чемодан и ставит его возле кровати.*) Выходит так, что я всучил администратору чужие деньги.

За дверью слышен сердитый женский голос: «You are an idiot John-Michael! I won't leave it. Where is this room?»¹ В ответ голос Бугрова: «Here, my darling»². Дверь открывается, входит Айседора Дункан, за ней Бугров. На Дункан не по сезону легкое пальто с бутоньеркой на груди и длинный светлый шарф в два витка вокруг шеи, на лице гримаса гнева и раздражения.

БУГРОВ. I repeat, Isy, you understood me wrong...³

ДУНКАН (*швырнув в Бугрова свой ридикюль*). Enough! I don't want to listen to it any more⁴. (*Увидев Черного человека, кидается к нему на шею; на ломаном русском.*) О, Серьожа! Мой милый Серьожа! Ты не пострадать? Быть в порядке? Я приехать тебя выручать. Я не дать тебя обидеть! Я всех тут разнести в пухи и прахи! (*Приникнув к груди Черного человека.*) Светляшка мой! Почему не встретить меня на вокзал? Я выглядывать тебя, я смотреть... Ты быть занят, да? Мне сообщить, что ты образумился, перестать пить и бросить своих девичек. Как это славно! Мы с тобой снова мириться и снова жить... вместе... одна семья... (*Резко отступает назад.*) О, shet!⁵ Вы не есть Серьожа! Вы есть тот, другой.

БУГРОВ (*подняв с пола сумочку Дункан, плюхается на стул*).

¹ Вы идиот, Джон-Майкл! Я этого так не оставляю.

Где этот номер? (*англ.*)

² Здесь, дорогая (*англ.*)

³ Повторяю, Айси, вы меня неправильно поняли (*англ.*)

⁴ Достаточно! Я не хочу это больше слышать (*англ.*)

⁵ Черт! (*англ.*)

Бог мой, как же я устал! Вы правы, Айси, это не Есенин. It is a Blackman¹. Черный человек. Вы встречались с ним в Нью-Йорке.

Дункан. Я видеть это теперь и без вас! (*Нервно сдергивает перчатки.*) Откуда вы знать так ловко русский? Вы ни разу не говорить мне, что знать русский.

Бугров. Это долго объяснять, Айси. При случае я обо всем вам расскажу.

Дункан. Объяснять, да? Прекрасно! Я почти три года жить с Есенин, а вы подло изображать, что нас не понимать.

Бугров. На то были веские причины.

Дункан. Я чихать на ваши причины, Джон-Майкл! Я доверять вам, как сестра, а вы делать из меня дурочка.

Бугров. Я не мог поступить иначе.

Дункан. Вы лучше думать, как теперь я поступать! Я устроить вам дома такую кузькину мать, что вы от меня прятаться под землю.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*решает вмешаться*). Ку-ку, госпожа Дункан! Вы обо мне не забыли? Здравствуйте!

Дункан. Excuse me². Здравствуйте.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*едва коснувшись губами, целует протянутую женщиной руку*). Почему опоздали?

Дункан. Я не мочь быть раньше. Под Петроград поезд попасть в занос.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Уважительная причина. Принимаю. Надеюсь, вас не утомила дорога? Пересечь океан и пять границ дело нелегкое.

Дункан. Я не затрудняться. Я часто ездить, и мне не привыкать.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Садитесь, мадам. И простите великодушно за неудобства.

Дункан. Я не собираться сидеть! Where is he? Where is Esenin?³

¹ Это Черный человек (*англ.*).

² Извините меня (*англ.*).

³ Где он? Где Есенин? (*англ.*)

Бугров. Госпожа Дункан спрашивает, где Есенин.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. В эту минуту?

Дункан. Yes!¹

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. В ресторане. Прощальный обед, так сказать.

Дункан. Что есть «прощальный»?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Что-то вроде собственных поминок.

Дункан (*раздосадованно*). It's a pity ². Я быть в надежде, что он ждать меня, что готовиться... Я посылаю ему the express telegram in «Angleter»³.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ваша срочная телеграмма у меня. Вот, возвращаю. (*Отдает Дункан почтовый бланк.*)

Дункан (*смотрит текст телеграммы*). Я не понять... Что означать надписка «адресат выбыл»?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. А то и означает, что выбыл. Сейчас, как видите, Есенина в номере нет, а завтра его не будет здесь и подавно.

Дункан (*вздыхает*). Вы расстроить меня. Я рассчитывать встретиться с ним и иметь беседа.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Сожалею, мадам, но ваши желания не совпали. (*Подвигает Дункан стул.*) Прошу.

Дункан (*присев, озирается исподлобья по сторонам*). I don't like this room⁴.

Бугров. Госпожа Дункан говорит, что ей не нравится номер.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. С чего бы? Люкс как-никак.

Дункан. А я говорить: не нравится! Плохой быть.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Лукавите, мадам. Однажды этот номер вас вполне устроил. И было это четыре года назад, в двадцать первом.

¹ Да! (*англ.*)

² Жаль (*англ.*).

³ срочную телеграмму в «Англетер» (*англ.*).

⁴ Эта комната мне не нравится (*англ.*).

ДУНКАН (*недоверчиво*). Разве? Я сомневаться.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Чем сомневаться, лучше постарайтесь вспомнить: вы и Есенин за этим же столом, слева от вас эти же настенные часы, в углу комнаты этот же торшер, перед вами зажженные свечи и шампанское; вы пока что не знаете русского, поэт ни бум-бум по-английски, и весь ваш разговор сводится к нежным прикасаниям и поцелуям. Разница лишь в том, что за окном тогда стояла весна. Есенин, кстати, приезжая в Петроград, останавливается с тех пор только здесь. По старой памяти.

ДУНКАН. Какой этот номер по цифре?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Пятый.

ДУНКАН. Пятый, пятый... Нет, не помнить. Мой короткий с Есениным брак видеть много гостиниц и номеров. (*Показывает пальцем на Бугрова.*) Почему Бугрэ оказался в Петроград? Зачем он шататься по отель? И почему вы вызвать его без моего согласия? Вы обещать в Нью-Йорк, что буду я и раз-два приближенных.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ваш импресарио приехал ко мне по собственной инициативе. Его тревожит, как он выразился, предстоящая акция.

ДУНКАН (*Бугрову*). Проявлять интерес, да? Совать нос в мои проблем? Присоска! Ни стыд ни совесть! (*Повелительный жест по направлению к двери.*) Go away, John-Michael! Go away! ¹

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*Бугрову*). О чем она?

БУГРОВ. Гонит меня прочь. (*Поднимается.*) Можно вас на пару слов?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да хоть на десять.

БУГРОВ (*отводит Черного человека в сторону и говорит ему на ухо*). Что и следовало ожидать. Увидела меня в коридоре и набросилась, как гарпия. Я вот о чем, господин Черный человек: вы уж ублажите ее насчет меня. Очень прошу! Втолкните ей, что я приехал сюда для ее же блага. Она вас боится, поэтому к вашим словам прислушается. (*Тяжкий вздох.*) Пожалуй, на два

¹ Прочь, Джон-Майкл! Прочь! (*англ.*).

года меня еще хватит, а вот как дальше быть...

ДУНКАН. John-Michael!

БУГРОВ. Ухожу, моя дорогая. Подожду вас в холле.

ДУНКАН. На улице ждать! Там мороз и ветер, они быстро прочистить вам мозги.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не забудьте свою трость, Бугрэ. Вы так нарочито ее оставляете, что это смахивает на подачку.

БУГРОВ. Да, да... В голове совершенный сумбур. Всего вам наилучшего. *(Забирает со стола свою трость и выходит.)*

ДУНКАН. Я расслышать, Бугрэ сказать «два года». Что быть через два года?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ваш юбилей, если не забыли. Пятидесятилетие. Господин Бугрэ советовался со мной по поводу подарка.

ДУНКАН. И что?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я предложил подарить вам шаль; такую, которая бы трепетала даже от воздушного поцелуя. К вашей нежной шейке она будет весьма кстати.

ДУНКАН. Very likely¹.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Давайте условимся, мадам: никаких западных словечек. Объясняйтесь, пожалуйста, на русском. Теперь вы на моей территории.

ДУНКАН. Я повторить мой вопрос: что хотите от вас Бугрэ?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нехороший он человек, ваш Бугрэ. Слишком любит деньги, роскошь и женщин. Все это вкупе его и погубит: доведет до нищеты и сведет в безымянную могилу. Пока есть время, мадам, измените ваше завещание. Только не допытывайтесь, откуда мне о нем известно, просто последуйте моему совету.

ДУНКАН. Так почему он приехать и что хотите?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(резко)*. Вам и в самом деле невдомек? Да «хотеть» Бугрэ того же, что и вы, — смерти поэта! Притом

¹ Очень возможно *(англ.)*

незамедлительной. Чуть раньше в этом номере побывал ваш давний знакомый, народный комиссар просвещения Луначарский. Его желание было аналогичным.

ДУНКАН. Анатолий? Луначарский? My God! ¹ Но я вовсе не требовать для Есенина смерть, я быть наоборот, я быть против. Все дни, как вы уехать из Америка, я постоянно горевать и плакать. Я вспоминать прошлое, размышлять про завтра... Есенин меня бросить — это да, Есенин оскорбить и променять меня — это тоже да, но он есть такой слабый и безвольный, такой несчастный. Он есть не всякий там стихокрут, он есть огромный талант! Зачем таланту гадкий конец?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Это в вас бурлят материнские чувства, госпожа Дункан. Ведь вы ему в матери годитесь, не так ли? Вам бы не замуж за парня, вам бы его усыновить.

ДУНКАН (*взрывается*). Вы ничего не соображать в моих чувствах! Вы рассуждать, как жестокий циник! Я любить Есенин, и любить его искренне.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Курам на смех! Вы сами-то верите в то, что говорите? Если вы и любите кого-то, то исключительно себя. В вашем сердце, мадам, никогда не было и не будет места для двоих. Тесно в нем! Все ваши браки (а в скором будущем вы выскочите замуж в четвертый раз) больше походят на спаривание.

ДУНКАН. Негодяй! Черный негодяй!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Какой есть. Тень не бывает светлой. Что касается Есенина, то скажу вам вот что: не явись вы однажды к нему со своей «искренней» любовью, не было бы сегодня ни «Англетера», ни предсмертного стихотворения, написанного кровью, ни роковой петли. Я нисколько не сомневаюсь, что Есенин и без вашего участия кончил бы дурно, но произошло бы это значительно позже, не в тридцать лет отроду. (*Показывает на бумаги на столе.*) Видите эту кипу бумаг? Это посмертные статьи о Есенине, написанные по моему заказу Луначарским. В одной из них он, между прочим, пишет, что в гибели поэта повинно

² Мой Бог! (*англ.*)

прежде всего его окружение. Что тут возразишь? Прав нарком. Ни у кого другого не было столько псевдодрузей, завистников и недоброжелателей, как у Есенина. Ваш покорный слуга тому подтверждение: моя особа олицетворяет все это зловонное болото. Но если я, образно выражаясь, подсыпал в его душу яд щепотками, то вы, сударыня, умудрились бухнуть туда сразу пригоршню. Не сейчас, а уже в ту пору, когда Есенин осознал, что непоправимо ошибся в вас, для него можно было готовить эпитафию.

ДУНКАН *(не сдаваясь)*. Вы не смейте! Все ваши слова есть ложь! Серьожа быть счастливым со мной. Я окружить его заботой, я вдохновить его на стихи и служить ему муза, я открыть ему мир и показать Америка, Франция, Германия...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да на кой черт сдалась Есенину ваша Америка? Зачем пичкать ребенка заморскими игрушками, если тот радуется простой русской матрешке? Это я иносказательно.

ДУНКАН. Игрушка, матрешка... Я вас не понимать! Вы сочинять небылица и морочить мне голову.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Хорошо, мадам, я объясню вам доходчивее. Знаете, о чём думал Есенин, когда вы таскали его по разным неоновым авеню и стритам? Он думал: «Почему я здесь, вдали от родного дома? Что нужно от меня этой странной и назойливой женщине? Меня одинаково раздражают ее ласки и упреки, смех и слезы. Зачем я обманываю ее и себя? Почему не признаюсь, что наш брак оказался нелепым недоразумением? Или, Или, лама савахвани?» Это прощальные слова Христа перед распятием: «Господи, почему ты меня оставил?» По-вашему, это мысли счастливого человека?

ДУНКАН *(надув губы)*. Вы не считать, что беседовать со мной в дерзкий и непозволительный тон?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не считаю! Я говорю с вами так, как того заслуживает ваш с Есениным никчемный семейный союз.

Пауза.

ДУНКАН. Я бы чего-то выпить.

Черный человек молчит.

Вы слышать меня? (*В глазах появляются слезы.*) У вас есть вино или коньяк?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ни того, ни другого. Только вода, да и ту почти всю вылакал ваш импресарио.

ДУНКАН (*заплакав*). Мне плохо... Господь милосердный, как мне плохо! Все есть дрянь и грязь! Бугрэ меня предать, Луначарски подличать, вы is a devil¹, сатана!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Понятно. Одна вы хорошая.

ДУНКАН. Я не претендовать на хорошая! Но я не унижать вас и вам не врать. Это вы врать и выставлять меня чуть ли не шлюха.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Чудачка вы, мадам, взбалмошная и капризная. Ну какой смысл, рассудите здраво, мне вас обманывать? Перед смертью даже самая отпетая сволочь и та норовит сказать правду. А моя смерть так близко, что не надо и руку протягивать. Я кому-то уже говорил сегодня, что покину этот мир с Есениным в одночасье. (*Крутнувшись на стуле.*) Прекратите хныкать! Терпеть не могу женских слез, особенно разбавленных тушью. Возьмите мой носовой платок.

ДУНКАН (*вытирая слезы платком Черного человека*). Где вы взять этот платочек? На нем моя монограмм. Я дарить такой Есенин.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Выходит, что подарили нам обоим. Ну что, успокоились?

ДУНКАН. Yes, успокоиться. (*Сморкается.*) Вот увидеть: Серьожа себя не повесить! Убить себя есть великий грех. Бог не прощать, родным и детям позор. Есенин взвесить все наследствия...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*поправляет*). Последствия.

¹ черт (*англ.*).

ДУНКАН. Yes, он взвесить все последствия и отказаться. Я сделать все, чтобы он передумать. Я убедить его!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*достает из сумочки Дункан моток веревки*). Уж не этой ли штукой вы собираетесь его убеждать? Знатная веревочка. Видать, тщательно подбирали. К такому «шнурку» и мыла не надо. Спасибо, что не забыли о моей просьбе. А ведь как упирались поначалу: «Ни за что! Ни в коем случае!»

ДУНКАН (*густо краснеет*). Я взять ее, когда быть не в себе... Да, я быть не в себе! Ваш подлый гипноз превратить меня в марионетка. О, вы уметь дурманить мозг! Вы заставить меня врасплох, наговорить мне про Есенин кучу гадость и довести до бешенства. Я так очуметь, что не ведать, что творить. (*Всхлипывает.*) Неужели здесь нет веревка?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Есть, сударыня. Этого пенькового добра на Руси предостаточно. Были бы поэты.

ДУНКАН. Тогда почему я? Почему не достать веревка другой?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Уместный вопрос. Безусловно, я мог бы прибегнуть к услугам какого-нибудь поэта-недруга или критика-злопыхателя. Сгодился бы и собутыльник, униженный однажды Есениным в кабацкой потасовке. Каждый из них не только бы с готовностью притащил для него смертоносную петлю, но и не преминул бы перевязать ее подарочной ленточкой. Но мой утонченный сатанинский ум не терпит примитива. Поэтому я твердо решил, что орудие самоубийства должны доставить сюда именно вы — женщина, которая когда-то была ему дорога.

ДУНКАН. Я пока что ничего не решить! Ясно вам? Веревка не есть факт в вашу пользу. Я буду защищать Есенин, сколько найти в себе сил.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Перестаньте, Дункан! Не лгите хотя бы себе. Позвольте вашу руку. (*Берет Дункан под локоть и подводит ее к трюмо.*)

ДУНКАН. Что вы задумать?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я хочу, чтобы вы взглянули на себя в зеркало.

ДУНКАН. Я знать и без зеркало, что выглядеть просто ужас. *(Разглядывает свое лицо.)* Так и есть, я хуже страхолюдина. Помада съехать, нос распухнуть от плач...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. При чем тут ваш нос? Вы взгляните на выражение своих глаз. Это же не глаза, а отравленные колодцы! Где в них сочувствие и сострадание к Есенину? Где жалость? Вы видите? Я — нет. К вашим глазам, сударыня, начиненным обидой и гибельной ненавистью, больше подходит колпак палача, чем парик адвоката. Или я не прав?

Дункан не отвечает, тербит платочек, сопит.

Что же вы молчите? Нечем крыть?

ДУНКАН *(снова всхлипывает)*. Я против отвечать... Вы опять делать мне пытка. *(Опускается на кровать.)* Я желать курить.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. На здоровье. Пепельница на тумбочке.

ДУНКАН. Дайте мне мой ридикуль.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(подает)*. Пожалуйста.

ДУНКАН *(вынимает из сумочки сигарету и в раздумье разминает ее пальцами)*. Мне жутко быть в этот номер. Я сидеть здесь с вами и болтать, а потом, через час-два, он тут висеть.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Согласен, обстановка не для слабонервных. *(Включает торшер.)* Так лучше?

ДУНКАН. Yes.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я помогу, не возражаете? У вас дрожат пальцы. *(Берет у Дункан сигарету и вставляет ее в мундштук.)* Прошу.

ДУНКАН. Вы делать это, как когда-то Серьожа. У вас его руки, его тонкая кисть, и на ней шрам. Он рассказывать, что в детстве его укусить дворушка.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Дворняжка.

Дункан. Yes, дворняжка. А еще я заметить, вы щуриться и моргать, как он. Тютелька в тютельку.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*усмехнувшись*). Возможно. В какой-то степени я же его двойник. Забыл поинтересоваться, вы прочитали поэму «Черный человек»? Мне стоило немалых усилий доставить ее в Нью-Йорк. Не успел я покинуть пароход и сойти на берег в Лонг-Бич, как меня тут же сцапали двое дюжих таможенников и потребовали выбросить все бумаги в воду.

Дункан. In water? Why? ¹

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Сказали, что незачем будоражить Штаты стихами о грязном ниггере. Пришлось долго и нудно доказывать этим бульдогам, что в «Черном человеке» негров нет и в помине. (*Чиркнув спичкой.*) Прикуривайте.

Дункан. Thank you. Excuse me ², но эту поэм я не читать. Она гореть... вся. Я швырять ее на огонь.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. В камин, что ли?

Дункан. Yes, камин.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Жаль! Поэма, чтоб вы знали, о трех лицах: о самом Есенине, обо мне и о вас. (*Декламирует.*) «Был он изящен, к тому ж поэт, хоть с небольшой, но ухватистой силою, и какую-то женщину, сорока с лишним лет, называл скверной девочкой и своею милою».

Дункан (в злом порыве). The scoundrel! ³ Гадина! Зачем он делать акцент на мой возраст? Зачем пятить его?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Выпячивать.

Дункан. Yes. Когда нас разводить, он обзывать меня старой клячей и сторониться меня, как прокаженной. Это меня-то, кого обожать поклонники по всему белому свету!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*удовлетворенный реакцией Дункан*). Вот теперь, мадам, вы мне нравитесь. Ни лживых гримас, ни театральных жестов. Вы прекрасны, когда естественны. Глядя на вас, такую чувственную и страстную, сразу понимаешь, чем вы так пленили и околдовали поэта. (*Достает из кармана трубку, подходит к окну и открывает форточку.*) Суматошная улица.

¹ В воду? Почему? (*англ.*)

² Спасибо. Извините меня (*англ.*).

³ Подлец! (*англ.*)

Дункан. Что вы сказать?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*глядя в окно*). Я говорю, что на улице много прохожих. Ни мороз им не помеха, ни сугробы, ни ледок. Бредут себе куда-то, и дела им нет до обитателя этого номера и того, что с ним произойдет. Хоть бы один поднял глаза, хоть бы один завопил нам оттуда: «Эй! Вы что там вытворяете?! Бросьте козни свои и отступитесь. Пусть живет поэт!» Ни слова. Бредут себе, утопая в снегу, и молчат. (*Закуривает.*) Вы, должно быть, не поверите мне, мадам, но именно в этом городе, спустя три года, в театре оперы и балета выйдет на сцену хрупкая белокурая девушка, которой будет суждено затмить вашу дряблую славу с лихвой. Сейчас этой девушке всего лишь пятнадцать, она не расстанется с вашей фотографией и считает, что краше и одухотвореннее вас никто и никогда не станцует. Считать-то считает, а докажет обратное. (*Выбивает трубку о подоконник.*) Отсырел табак, не раскуривается.

Дункан. Who is she? ¹ Кто есть она? Имя!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Уланова. Галина или Полина. Нет, все же Галина. Галина Уланова.

Входит горничная Липа, в руках держит поднос.

Горничная. Извиняйте, что без стука. Руки заняты. Я принесла вам коньяк, закуску и рюмочки.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*недовольно*). Повадилась! Послушай, милочка, ты опять перепутала номер. Я ничего не заказывал.

Горничная. Заказ сделал месье Мопассан.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Кто?!

Горничная. Мопассан. Ги де. Тот иностранец, что был с вами раньше.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*беззлобно*). Вот прохиндей!

Горничная. Он все оплатил.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Хорошо, поставь на стол.

¹ Кто она? (*англ.*)

ДУНКАН (*горничной*). Что вы на меня так смотреть?

ГОРНИЧНАЯ. О, вы такая великая американка! Вся роскошная, вся в перстнях и сережках, сигарету дымите... Прямо дух захватывает! Хи! Не то, что наши. (*Ставит поднос на стол.*) Я тоже танцую, товарищ Дункан.

ДУНКАН. Really? ¹

ГОРНИЧНАЯ. Что?

ДУНКАН. Я сказать: неужели.

ГОРНИЧНАЯ. А-а... Честное слово! По линии профсоюза. Летом я танцевала пастушку в «Жизели», а нынче изображаю красную лебедь в спектакле Чайковского.

ДУНКАН. Лебедь? Красную?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Это как же, в красном белье, в красных сапогах и с наганом на бедре?

ГОРНИЧНАЯ. Не-а. По ходу плясок я размахиваю кумачовым флагом. Современная постановка.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. И как оно, быть красной птицей?

ГОРНИЧНАЯ. Нормально. Главное, все наши концерты идут на ура.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вот что, плясунья, у меня и у госпожи Дункан деловая встреча. Понятно? Мы очень заняты. Спасибо за угощение — и до свидания.

ГОРНИЧНАЯ (*не отрывая взгляда от Дункан*). А как же уборка? Надо бы закончить. Как-то неприлично... Знаменитая балерина, и вдруг в неприбранном номере.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Уберешь в другой раз.

ГОРНИЧНАЯ. Но...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Никаких «но»! Ты нам мешаешь.

ГОРНИЧНАЯ. Иду... Не сердитесь. (*Дункан, нерешительно.*) Можно попросить у вас что-то на память? Вещицу какую-нибудь: шпильку, карандашик, лоскуток — то, что вам не жалко.

ДУНКАН. Право, я в затруднении...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Носовой платок сойдет?

¹ Неужели? (*англ.*).

ГОРНИЧНАЯ. А можно?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Забирай! *(Отдает девушке платочек с монограммой Дункан.)* Пользуйся на здоровье.

ГОРНИЧНАЯ. Что вы, этим нельзя пользоваться! Я буду его беречь. Спасибо, товарищ Дункан! Подружки лопнут от зависти.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не испытывай моего терпения, Липа. Живо за дверь!

ГОРНИЧНАЯ. Ухожу. Приятного вам обеда. Я за подносом зайду позже, вечером. *(Выходит.)*

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(изучая этикетку на бутылке)*. Армянский. Двадцать лет выдержки. Знает Иван Михалыч, на какой козе к вам подъехать.

ДУНКАН. О ком вы речь? Кто есть Иван Михал-ич?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да ваш Джон-Майкл. Он же — Жан-Мишель. Как-нибудь на досуге, когда будете в родных пенатах, поприжмите его хорошенько. Он расскажет вам немало интересного о своем героическом прошлом.

ДУНКАН. В этом нет резон. Я и мой адвокат читать анкет Бугрэ. Он родиться в Шампани в сиротский приют, потом учиться и быть военным в Египет, а после работать уборщик и бутафор в парижский театр.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Разве он не был актером?

ДУНКАН. Сохранить Бог! Кто его пустить на сцена? Чему вы так ехидно улыбаться?

На лице Черного человека озорная улыбка.

Не молчать! Его анкет фальшивка, да? Она есть выдумка?

Черный человек по-прежнему улыбается.

(Хлопнув ладонью по лбу.) Как же я не догадаться раньше? Он не француз, он русский! Чем же я смотреть? Это ведь очевидно! Он всегда вертеться на улице возле лошадей и пить водка в русский

ресторан. *(Вскакивает.)* Он казак! Он беглый донской казак! Как вы назвать Бугрэ? Иван Михал-ич? Ванька, значит? Ах, мошенник! Ах, бандитская морда! Я завтра же гнать его взащей! Завтра же!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не глупите, мадам. Ваш импресарио, конечно, не праведник, это ушлый малый, прохвост и все такое, но, уверяю вас, он единственный в мире человек, кто предан вам по-настоящему. *(Наполняет рюмку коньяком.)* Кроме того, полчаса назад я сообщил ему одну благоприятную новость, услышав которую он так обрадовался, что будет служить вам отныне верой и правдой до гробовой доски.

ДУНКАН. Что есть за новость?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не буду портить вам аппетит. *(Протягивает Дункан рюмку.)* Прошу.

ДУНКАН *(принимает рюмку)*. А вы?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Благодарю, но свое я уже выпил.

ДУНКАН *(держит рюмку на уровне глаз)*. Эх, Серьожа, Серьожа, не думать я, что так может выйти... Но ты сам выбрать свой крест, и пусть будет так. Let it be, my soul, let it be¹. *(Выпивает.)* Я сохранить твой образ в память, Серьожа. Я забыть всё плохое и помнить дальше лишь хорошее. Да! Я сочинить про нас печальный танец и танцевать его по всем континентам. Он всех изумить, мой танец! *(Наполняет коньяком еще одну рюмку и тут же ее опорожняет.)* Это быть великий танец, Серьожа! Я взять за музыку Мусоргски, за декорации березки и вместо хитон надеть русский сарафан...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Спуститесь на землю, мадам. Лучше закусите. Коньяк от вас никуда не денется. *(Забирает у Дункан рюмку и показывает на поднос.)* Ваш заботливый пастырь не поскупился: икорочка, салями, ветчина ломтиками...

Входит администратор гостиницы (выглядит жалким и потрепанным), за ним следует Владимир Маяковский. На поэте широкое пальто, похожее больше на бушлат, на голове сдвинутая к затылку шляпа, в зубах погасшая папироса.

¹ Пусть будет так, душа моя, пусть будет так *(англ.)*.

АДМИНИСТРАТОР *(перекошанным ртом, чуть не плача)*. Товарищ Черный человек! Это не лезет ни в какие ворота. Это форменное хулиганство!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. В чем дело?

АДМИНИСТРАТОР. Час назад вы сказали, что поэт Маяковский должен дать мне оплеуху. Помните?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Конечно.

АДМИНИСТРАТОР. Тогда почему вместо оплеухи я получил от него зуботычину?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вот-те раз! Примите мои соболезнования.

АДМИНИСТРАТОР. Вам вроде как забавно, да? А как же ваше пророчество? *(Шмыгая носом.)* Вы полюбуйтесь, что этот изверг со мною сотворил! *(Тычет пальцем в разинутый рот.)* Вам видно? Вверху, слева... Нет зуба! Был зуб — и нету. Яма. Врать не стану, он у меня шатался и был труха трухой, но зачем же его удалять таким варварским способом? А на это взгляните! *(Показывает на свою одежду.)* Манишка порвана, казенный пиджак; воротник в крови...

МАЯКОВСКИЙ. Ишь как разнюнился! Будто головы лишился. Скажи спасибо, что я не свернул твою откормленную шею.

АДМИНИСТРАТОР. Вы слышали? Призываю в свидетели. Прямо-таки дикие манеры! *(Перемещается от греха подальше за спину Черного человека.)* В моей гостинице, доложу вам, какие только поэты не останавливались! И Бальмонт жил, и Брюсов жил, и Блок заходил с барышнями... Люди как люди, всегда бритые и обходительные, наглаженные и с цветочками в петлице. *(Кивает на Маяковского.)* А этот — не человек, а прямо Чингисхан какой-то!

МАЯКОВСКИЙ. Я т-те дам Чингисхана! *(Снимает шляпу и бросает ее на стол.)* Мало показалось? Так я добавлю.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Тише, товарищи! От вашего крика, того и гляди, потолок рухнет. Что, собственно, стряслось?

МАЯКОВСКИЙ. Объясняю...

АДМИНИСТРАТОР. Натуральный мордобой — вот что стряслось.

МАЯКОВСКИЙ. Цыц, раненый!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Если можно, Владимир Владимирович, без крепких словечек. У нас в гостях дама.

МАЯКОВСКИЙ. И что с того? Я в мужском номере или в женском? *(Дункан.)* Ступай восвояси, красотка! Сегодня твой Казанова тебя не обслужит.

ДУНКАН *(обескураженно)*. Что вы сказать, простите?

МАЯКОВСКИЙ. То, что слышала! Нынче Есенину не до потаскух.

ДУНКАН *(зардевшись)*. Да вы с ума спятить!

МАЯКОВСКИЙ. Не нарывайся, курица! Эстонка, да? Вот и катись в свою Эстонию! *(Черному человеку.)* Объясняю: вхожу в гостиницу, представляюсь и говорю, что востребован по делу в пятый номер. Дальше, разумеется, поднимаюсь по вестибюльной лестнице. Как вдруг догоняет меня этот... гражданин, хватает за пальто и ну орать: «В пятый? Не пущу! Туда нельзя, пожалте вон!» А потом давай звать на подмогу швейцара и портье... Тут я ему и врезал. А придется — еще врежу! Слышишь меня, барбос паршивый? Ведь врежу! Я таких, как ты, на запах не переносу.

АДМИНИСТРАТОР. Товарищ Черный человек, оградите меня в конце концов от нападков этого бузотёра! Куда же это годится? Мы в гостинице или в тюремной камере? *(Громко стонет.)* Больно-то как! Губа треснула, язык не повернуть... Что я скажу вечером дома? Как оправдаюсь? Жена заподозрит, что меня причастил муж какой-нибудь горничной. Последние волосы вырвет! *(Садится на стул и обхватывает голову руками.)*

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Скажете жене, что пострадали в столкновении с пролетарской поэзией. Она не поймет, но будет от вас в восторге. *(Поворачивается лицом к Маяковскому.)* Право, вы перегнули палку, Владимир Владимирович. Не ожидал. К вашему сведению, администратор гостиницы действовал по моей указке.

МАЯКОВСКИЙ. Какой еще указке?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Это я запретил ему пропускать сюда посторонних.

МАЯКОВСКИЙ. Позвольте, это кто же посторонний? Владимир Маяковский? Вы что, с Луны свалились? Да я вышибал ногами двери и не таких отелей. «Рицы» стонали!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Успокойтесь, Владимир Владимирович. Прошу вас! Какой же вы посторонний? Первое лицо, я бы сказал. И ждал я вас, поверьте, с самым зудящим нетерпением. Без вашего участия моя картина, мой триптих «Смерть Есенина», выглядела бы заурядным малярством. Одно дело, соавторство с державным чиновником и бывшей женой, и совсем другое — с товарищем по перу.

МАЯКОВСКИЙ. Что за абракадабра? «Ваше участие», «триптих», «малярство»... Скажите еще, что ждали меня на десерт после щей и каши. Давайте-ка обойдемся без витиеватых метафор. С тех пор как я скинул с себя желтую кофту футуриста, меня от метафор воротит. И кто же у вас за «державного»?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нарком просвещения Луначарский.

МАЯКОВСКИЙ. Гм... Должен был догадаться. Он был или будет?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Был.

МАЯКОВСКИЙ. И куда подевался?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ушел. Сказал, что к врачу.

МАЯКОВСКИЙ. Словом, смылся.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. «Здрав штаны». *(Пододвигает стул.)* Садитесь, поэт. Папиросами не располагаю, поэтому дымите свои. На столе коньяк и закуска. Госпожа Дункан подтвердит: коньяк отменный.

МАЯКОВСКИЙ. Дункан? *(Приглядевшись к сидящей на кровати женщине.)* Глазам своим не верю! Изидора! То-то чую, французскими духами за версту разит. Не признал, не признал. *(Кривит лицо.)* Mille pardons, madame!¹ Каким ветром? Впрочем,

¹ Тысяча извинений, сударыня! *(франц.)*

догадываюсь: никак не угомонишься. Спокойно умереть и то не дашь человеку.

ДУНКАН. Как вам не совестно меня оскорблять?

МАЯКОВСКИЙ *(передразнивает)*. Тебя? Ашкарблять? *(Фыркнув.)* Да на кой шут мне это нужно? Говорил и не устану повторять, что все беды поэтов от баб, спиртного и политической близорукости. Трёхглавый змий! Любого сожрет с потрохами, а такого слабовольного, как Есенин, — в один присест, и без соли. *(Наполняет рюмку коньяком.)* Так где он себя?..

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. У окна, на трубе парового отопления.

МАЯКОВСКИЙ. Точно? Врать не советую!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(холодно)*. Убавьте скорость, поэт. Вы не на крейсере «Аврора» и не «Левый марш» читаете матросам. Ваша агрессия начинает меня утомлять.

МАЯКОВСКИЙ *(опорожняет рюмку одним глотком)*. Атмосфера гнетет, будь она неладна! Бывал в переделках, но в такой — впервые. Я поздоровался, когда вошел?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нет.

МАЯКОВСКИЙ. Ну и ладно. Закуска откуда? *(Кивает через плечо.)*

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Наша. Из ресторана.

МАЯКОВСКИЙ. Нэпманская, значит?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. На ней не написано.

МАЯКОВСКИЙ. Знамо, нэпманская. Не буду! *(Подходит к окну.)* Труба надежная? Выдержит? *(Проверяет рукой.)* Добротное, однако, строили при царизме. Не представляю, правда, как Есенин умудрится повеситься на вертикальной трубе, к тому же покрытой эмалью.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Об этом не беспокойтесь. Он приспособится.

МАЯКОВСКИЙ. Будет пьян?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Практически трезв. Аутопсия покажет легкую степень. Судя по числу промилле в крови, выпьет кружку пива или бокал шампанского.

МАЯКОВСКИЙ. Не верю я нашим патологоанатомам! Сами не просыхают. (*Отходит от окна и садится за стол.*) Кстати, встречался с ним недавно, с этим потомком Иуды.

ДУНКАН. Иуд? Почему Иуд?

МАЯКОВСКИЙ. Библию надо читать, Изидора! Кто в истории человечества стал первым висельником? Иуда! Мало того, что Христу, ублюдок, напакостил, так вдобавок и другим показал дурной пример.

ДУНКАН. Вы где видеть Есенин? В Петроград?

МАЯКОВСКИЙ. Нет, в Москве. Возле кассы Госиздата. Две недели назад я получал гонорар за свою поэму «Владимир Ильич Ленин», а он — за «Черного человека». Гляжу, вылезает кто-то из очереди и хрустит деньгами, присмотрелся — Есенин. Лицо опухшее и хмельное, галстук и шапка набекрень, воротник шубы в мазках помады.

ДУНКАН наливает себе коньяка.

Отталкивающий вид. Я нетрезвого человека на дух не переношу, а Сергея, с его пьяными заскоками и панибратством, — особенно. Поэтому всегда стараюсь с ним разминуться. В этот раз не вышло. Он тут же кинулся мне на шею, облобызал чуть ли не с головы до пят и стал тянуть в ближайший ресторан. Заодно расхныкался, что после смерти Блока Россия обнищала на поэтов и что из настоящих только он да я и остались. Насчет себя я, недолго думая, согласился, а во всем прочем послал его... в известном направлении.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. А он?

МАЯКОВСКИЙ. Насупился, как малое дитя; рассовал по карманам деньги и убрался за угол. Там, в подворотне, его уже поджидала орава прихлебателей. Видели бы вы эту свору! У каждого ноги расползались в стороны, словно вареные макаронины.

АДМИНИСТРАТОР (*стонущим голосом*). Товарищ Черный человек, вы не могли бы и обо мне вспомнить? Сижу как

неприкаянный, завываю от боли, а на мои муки ноль внимания. Зуба-то нет... Что прикажете делать?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вызовите товарища Маяковского на дуэль. В качестве секундантши рекомендую взять горничную Липочку.

АДМИНИСТРАТОР (*промокает рукавом раненую губу*). Снова вам шуточки... Будь вы на моем месте, то так бы не шутили.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Будь я на вашем месте, то давно бы понял, что ждать от поэта Маяковского денежной компенсации за выбитый зуб так же безнадежно, как ждать от козла молока. Уходите, Дормидонт Петрович, подобра-поздорову. Денег я выделил вам предостаточно, на дантиста хватит.

МАЯКОВСКИЙ. Выметайся, гнусавый! Не доводи до греха. (*Выпивает рюмку, которую налила себе Дункан.*) Мое терпение исчерпано.

ДУНКАН. Yes, mister¹, я тоже просить вас домой. Вы дожидаться новый скандал. Зачем это? Сами видеть, что все слишком психовать и дергаться.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Слышали, администратор? Слово дамы — закон.

Администратор гостиницы встает.

И не вздумайте сдуру позвонить в милицию. В лучшем случае примут вас за психа, в худшем — посадят за решетку.

АДМИНИСТРАТОР (*обреченно*). Да?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Третьего не дано. Как бы там ни было, на мою помощь не рассчитывайте. Отрекись от вас похлеще апостола Петра, — не дожидаясь петухов.

АДМИНИСТРАТОР (*идет к выходу, вяло передвигая ногами*). Какой кошмар, господи! Что творится вокруг? Где я? Что со мной? Прямо в тумане... Зуб в кармане... Ну вот! Заговорил стихами... Свихнулся. Ухожу... Пропади все пропадом! (*Выходит.*)

¹ Да, сударь (*англ.*).

МАЯКОВСКИЙ (*потрясая кулаком вдогонку администратору*).
Погоди у меня, буржуй недобитый! Придет время, я отдубасю
тебя такой сатирой, что твои зубы выпадут вместе с челюстью!
(Утихомилив желваки, Черному человеку.) Теперь к делу. Я
написал стихотворение, которое вы просили. Назвал «Сергею
Есенину». Поначалу хотел озаглавить «Памяти...» или что-
то в этом роде, но потом передумал. Звучало бы приторно
и тривиально. Мое стихотворение — это не раскопленная
погребальная речь и не поминальное нытье; это прощальное
слово поэта к поэту. Держите! (*Вручает Черному человеку
несколько исписанных страниц.*) Первые строки, честно говоря,
дались довольно натужно, но дальше пошло как по маслу.
Рифмы свежие и в моем стиле — корневые. Смею утверждать, что
стихотворение будет иметь небывалый успех. Посему, товарищ
Черный человек, никакого поворота событий.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Что вы имеете в виду?

МАЯКОВСКИЙ. Смерть Есенина.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*подмигивает Дункан*). Так-то, барышня.

МАЯКОВСКИЙ. Я не намерен откладывать опубликование этого
произведения в долгий ящик. Это политически необходимо.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. В самом деле? Я не вижу ничего
политического в том, что сотня придурков последует примеру
Есенина и вздернет себя на суку, нацарапав напоследок парочку
слов своей кровью.

МАЯКОВСКИЙ. Быть может, для вас это и пустяк, а для меня
— чуждое явление, и бороться с ним нужно незамедлительно.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Задушить в зародыше?

МАЯКОВСКИЙ. Во-во, в зародыше.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Понятно. (*Читает.*) «Вы ушли, как
говорится, в мир иной...»

МАЯКОВСКИЙ (*прерывает*). Ну кто так читает? Решили
исполнить псалом? Слушайте! (*Декламирует, откинув голову.*)

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.

Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь...

Ни тебе аванса,
ни пивной.

Трезвость.

(Снимает пальто и швыряет его на спинку кровати.) А вот еще
две строфы:

Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.

Может,
окажись
чернила в «Англетере»,
вены
резать
не было б причины.

Подражатели обрадовались:

бис!

Над собою
чуть не взвод
расправу учинил.

Почему же
увеличивать
число самоубийств?

Лучше
увеличь
изготовление чернил!

Ну как?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(с откровенной иронией в голосе)*.
Замечательно! Такое впечатление, что вы писали не поэтические строки, а плакат.

МАЯКОВСКИЙ. Напрасно иронизируете. Это стихотворение я создал не столько по вашей просьбе, сколько выполняя социальный заказ здоровых трудящихся масс.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Сдаюсь. Со здоровыми трудящимися массами я спорить не собираюсь. *(Складывает бумаги Маяковского и Луначарского в одну стопку.)* Перо пишет, бумага терпит.

МАЯКОВСКИЙ. Простите, не понял.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вспомнил русскую пословицу. Как видите, кроме вашего сочинения, у меня есть еще одно — заупокойное эссе Луначарского. *(Прячет бумаги во внутренний карман сюртука.)* Странно, однако...

МАЯКОВСКИЙ. Что?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вы ни словом пока не обмолвились о моем сходстве с Есениным. Другие, например...

МАЯКОВСКИЙ. А вы похожи? Занятно. Разве похож человек на свое отражение в кривом зеркале или на свое изображение в уродливой проекции? Вы так же похожи на Есенина, как, скажем, в романе Уайльда дряхлеющий портрет Дориана Грея похож на свою вечно юную натуру.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Мудрено, но исчерпывающе.

МАЯКОВСКИЙ. А мы такие. Нам палец в рот не клади. *(Достает из кармана пачку папирос.)* Будете?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. У меня трубка.

МАЯКОВСКИЙ. Ха! Есенин перешел на трубку?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Недавно.

МАЯКОВСКИЙ. Щеголь хренов! То бабочку нацепит, то цилиндр напялит, то сигару всунет в зубы... А было время, матерью клялся, что не расстанется с гармошкой да косовороткой и будет спать исключительно на соломе. *(Закуривает.)* Вчера

читал допоздна его «Страну советскую» и «Персидские мотивы». Читал, пожалуй, в сотый раз, а казалось, что впервые. Высший класс! *(Декламирует.)* «Быть поэтом — это значит то же, если правды жизни не нарушить, рубцевать себя по нежной коже, кровью чувств ласкать чужие души». А как вам это? *(Произносит, закрыв глаза.)* «Руки милой — пара лебедей — в золоте волос моих ныряют». Восемь слов, а какая картинка! В «Письме к женщине» нахожу и вовсе афоризм: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье». *(Встает и ходит по комнате.)* Ведь вот что удивительно: любой другой, при таком-то образе жизни сподобился бы разве что на считалочку вроде «Раз-два-три, четыре-пять, вышел зайчик погулять». А Есенин — нет! Что ни строка, то жемчужина. Взять хотя бы его последние стихи «Ты жива еще, моя старушка...», «Отговорила роща золотая...» или «Клен ты мой опавший...» Как там в «Клене»? *(Морщит лоб.)* «И забросив...» Нет, не так. *(Декламирует.)* «И, утратив скромность, одуревши в доску, как жену чужую, обнимал березку». Ну, не здорово, а? Без вычурности, чувственно, проникновенно.

ДУНКАН. Я вас не понимать, Вольдемар. Вы делать добрый отзыв о Есенин, восхищаться. Зачем тогда прийти сюда и участвовать в его гибель? И почему требовать никакого поворота событий?

МАЯКОВСКИЙ. Не путай божий дар с яичницей, Изидора! Есть поэт Есенин, а есть человек Есенин. Я пришел по душу второго. Впрочем, если судить о его поэзии с социальной точки зрения, то и она заслуживает порицания.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Далась вам эта социальность!

МАЯКОВСКИЙ. А вы как думали? В наше суровое и тревожное время, когда на руинах старой власти создается новое государство, когда формируются новые отношения и новый быт...

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК *(скривившись, заканчивает фразу за Маяковского)*... стихи должны быть прежде всего злободневными. Верно?

МАЯКОВСКИЙ *(сплюнув на кончик папиросы, гасит ее в пепельнице)*. В точку!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*декламирует с насмешливой интонацией*). «Мне мил стихов российский жар. Есть Маяковский, есть и кроме, но он, их главный штабс-маляр, поет о пробках в Моссельпроме».

МАЯКОВСКИЙ. Это его?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Его.

МАЯКОВСКИЙ. Сукин сын! В этом весь Есенин: вы, дескать, сражайтесь там на ваших баррикадах за светлое будущее и творите в поте лица для людей и о людях, а я тем временем буду тихо-мирно попивать винцо, тискать малолеток в копнах сена и кропать стихи о своем сокровенном да о себе. (*Покачав головой.*) Но возмущает не это. Возмущает, что именно его поэзия — его, а не моя — понятнее и ближе народу, она на слуху, она поётся. Несуразность какая-то. Нонсенс! Что морщите лоб, Черный человек? Не согласны?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Просто я никак не возьму в толк, что, собственно, вас не устраивает. Вы — Маяковский, он — Есенин, каждый велик по-своему. Сравнить ваши стихи так же глупо, как сравнивать грохочущий аэроплан и жаворонка; только и того, что оба летают. Вы считаете, что ваша поэзия более значима, более весома, ибо отвечает духу времени? Да ради бога! Скажу лишь, что кусок железа всегда перевесит веточку сирени, но от этого он не запахнет.

МАЯКОВСКИЙ (*задетый за живое*). Послушать вас, так карабкаться на трубу впору мне, а не Есенину. Решили пойти на попятную? (*Поднимается.*) В таком случае я умываю руки. Возвратите черновик моего стихотворения — и наше вам с кисточкой.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. На попятную? Ни боже мой, Владимир Владимирович. Ни шагу назад! Труба зовет, веревка ждет. Госпожа Дункан доставила нам веревочку из самой Америки.

ДУНКАН (*опустив глаза*). Yes, Вольдемар, из Америки.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Миновав при этом пять таможен! «Что это?» — грозно пытали таможенники, а мадам бесстрашно

отвечала: «Лассо из Техаса, ковбойский сувенир».

ДУНКАН. Я просить вас не выдумывать чепуху.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*насмешливо*). Повинуюсь. (*Показывает Маяковскому моток.*) Вот она, витая - крученая. Безобидная, безмолвная, легкая... А какое зло причинит! (*Сворачивает веревку и засовывает ее в боковой карман сюртука.*)

МАЯКОВСКИЙ (*глядя исподлобья*). Вооружаетесь?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Комплектуюсь. Кстати, как заканчивается ваше стихотворение о Есенине? Наверняка вы врезали ему по полной программе: «Такую смерть мы неприемлем, всем висельникам мы дадим отпор!»

МАЯКОВСКИЙ. Снова иронизируете? Нет, Черный человек, я обошелся без вашего идиотского ямба. (*Декламирует.*)

В этой жизни
помереть
нетрудно.

Сделать жизнь
значительно трудней.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Лозунг что надо! Не слова, а гвозди в тело Есениново. Но советую вам на будущее, Владимир Владимирович, не утверждайте так рьяно того, что сами потом опровергнете.

МАЯКОВСКИЙ. Что вы хотите этим сказать?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Мое известие вас не обрадует.

МАЯКОВСКИЙ. Плевать! Говорите.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ладно, поведаю. 14 апреля 1930 года, то есть через четыре с половиной года, вы уйдете из жизни, подобно Есенину, — наложив на себя руки.

МАЯКОВСКИЙ. Да ну!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (*невозмутимо*). Причин для вашего самоубийства будет предостаточно. Вас доконает одиночество, у вас не сложится личная жизнь, наконец, вы разочаруетесь в воспетом вами солнценосном коммунизме. Желаете знать подробности? Пожалуйста. Вы застрелитесь из пистолета

системы «Маузер», калибр ствола 7,62 миллиметра; пулю пустите в грудь, в область сердца, слева направо и почти горизонтально. Смерть наступит мгновенно.

МАЯКОВСКИЙ *(не сразу и не слишком уверенным голосом)*. Горазды же вы врать.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ну вот, и вы туда же.

МАЯКОВСКИЙ. То есть?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Обвиняете меня во лжи. А между тем... Минутку, Владимир Владимирович. *(Подает сложенную вдвое газету.)* Принес специально для вас, поэт. Прошу, почитайте на досуге.

МАЯКОВСКИЙ *(взяв газету)*. Что это?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Газета «Правда», апрельский номер тридцатого года.

МАЯКОВСКИЙ. Но на календаре декабрь двадцать пятого.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. А я предлагаю вам заглянуть в будущее, в весну тридцатого. Почитайте, вам будет интересно. Я тем временем оставляю вас... Ненадолго. Должен кое-что проверить. Судя по всему, я ошибся номером, и нужный нам «пятый» по соседству. *(Досадуя.)* Ума не приложу, как я не догадался об этом раньше. Ведь все указывало...

ДУНКАН *(возмущенно)*. Вы что такое говорить? Как это ошибиться?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Да вот так. Заигрался.

ДУНКАН. Ну вы сказать! Не хватало еще, чтоб по вашей глупости мы попасть не в тот отель!

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не волнуйтесь, мадам, я тотчас все поправлю. *(Направляется к выходу.)* При любом раскладе нам скоро отсюда убираться. *(Открывает дверь.)* И потом, так ли уж важно, в каком номере мы оказались? Как ни крути, финал обозначен. *(Выходит.)*

ДУНКАН. Как вам это нравится, Вольдемар? Этот тип завратся донельзя! Вы слышать меня? Теперь я быть уверена, что его игра и гипноз втянут нас в жуткий иллюзион. Он получить от вас

стихи, от Луначарски бумажная критика, от меня веревка... Он схитрить и испытать нас на подлость. Понимаете? А мы, пустые головы, развесить уши и поверить. Разве его штучки не есть гипноз? В Америка таких давно разоблачать и сажать в тюрьма. This Blackman¹ есть второй Распутин!

Маяковский (*уткнувшись в газету*). Помолчи, трещотка! В этой газете некролог обо мне. Скорбят о невосполнимой утрате. Перечисляют мои поэмы и пьесы... Комедия «Клоп», комедия «Баня», поэма «Хорошо!» Ни строчки еще не написал! Только задумал, только вынашиваю планы... Мистика! Откуда у него эта газета? Пахнет типографской краской.

Входят Луначарский и Бугров.

ЛУНАЧАРСКИЙ (*ныхтя*). Товарищи! Прошу сохранять спокойствие! Произошла архистрашная ошибка! Здравствуйте, Владимир Владимирович. Рад, что в трудную минуту вы оказались рядом. How do you do, miss Duncan! Your friend told me you are here too². Весьма кстати. Где этот шарлатан и проходимец? Прятаться вздумал? От нас не спрячешься! (*Смотрит за дверь ванной комнаты.*) Я вызвал наряд конной милиции и тут же телефонировал товарищу Дзержинскому. Феликс Эдмундович, по доброте своей, разрешил предпринять экстренные меры, вплоть до расстрела врага на месте.

ДУНКАН. Матерь Божья! Что за ужас вы говорить?

ЛУНАЧАРСКИЙ. Да, мисс Дункан, да! Мы с господином Бугрэ, давно и хорошо мне знакомым, обсудили все нюансы и детали...

БУГРОВ. Так точно! Ерунда получается.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Не то слово! Волей-неволей мы вовлечены в событие, караемое законом. (*Ходит по комнате, размахивая руками.*) Как удалось этому мошеннику отравить наше сознание?

¹ Этот Черный человек (*англ.*).

² Здравствуйте, госпожа Дункан! Ваш друг сказал мне, что вы тоже здесь (*англ.*).

Как?! Диву даюсь! И, кроме того, это же не пятый номер. Это шестой! (*Овладевает собой.*) Так! Прежде всего необходимо удалить улики. Тут были некоторые бумаги... Не попадались на глаза? Написаны неразборчиво, вроде как рукой школьника. (*Ищет.*) Куда же они могли запропасться? На столе нет, на кровати нет, на тумбочке нет...

МАЯКОВСКИЙ (*свирепо*). Какие «бумаги»?! Какой, к черту, «школьник»?! (*Тычет пальцем в газету.*) Вы на это полюбуйтесь! Здесь, на снимке, ваша лисья морда у моего изголовья. Узнаёте? Я — в гробу, а вы в первом ряду в черном нарукавнике. Проклятье! Да я заставлю вас сожрать эту газету, не запивая!

ЛУНАЧАРСКИЙ. Помилуйте, товарищ Маяковский! О чем вы? Чье изголовье? Чей гроб? Подлая инсинуация. Фотографический подлог.

За стеной слышен звук опрокинутой мебели. Все прислушиваются.

ДУНКАН (*полупшепотом*). Что это быть?

За стеной тишина.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Это не гостиница, а сумасшедший дом! Вертеп!

БУГРОВ (*Дункан, с укоризной*). Предупреждал вас, Айси, не доведет до добра эта поездка. Не послушались. Не лучше ли было пересидеть бурю дома? Рождественские вечера, праздничные концерты, состоятельная публика... Так нет же — в Петроград!

ДУНКАН. Но мне указать на приезд Черный человек!

ЛУНАЧАРСКИЙ. Нет и не было никакого Черного человека, мисс Дункан. Обман! Фокусы уголовного и матерого шулера. И смерти Есенина не будет! Мы стали жертвами ловко устроенной интриги. Узнав обо всем, Есенин умрет не от веревки, а со смеху! (*Заглядывает в шкаф.*) Но где же сам подлец? Куда сбежал?

ДУНКАН. Он не бежать, он сказать, что выйти, чтобы уточнить номер. На столе остаться его трость и цилиндр, его трубка. Он вернется.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Как же! Ну, ничего... Главное, спокойствие. Кому положено, сыщут. Личность приметная: одет как на парад и загримирован под Сергея. Взглянуть бы на него, когда свяжут.

МАЯКОВСКИЙ (*громко и театрально*). «Я хочу видеть этого человека!»

ДУНКАН. Какого человека? О ком вы?

МАЯКОВСКИЙ. Это из поэмы Есенина «Пугачев». Монолог Хлопуши.

ЛУНАЧАРСКИЙ. Нашли время для цитат! Тут исчезли мои бумаги, мои черновые записи... Вдруг попадут не в те руки! На подходе милиция. Осмотр номера, обыск... Отыщут бумаги — не отмоюсь. Ведь что получается? Я похоронил поэта заживо, впрок.

МАЯКОВСКИЙ (*опустошенным голосом*). Гляжу я на вас, нарком, и смерть Есенина представляется мне такой объяснимой. Даже закономерной.

Входит горничная Липа; напугана до смерти, лицо пепельного цвета.

ГОРНИЧНАЯ (*показывая рукой на стену, восклицает отрывисто, словно в удушье*). Там!.. Господи, какое несчастье! Там!..

ЛУНАЧАРСКИЙ. Где? Что? Прибыла милиция? Говори!

ГОРНИЧНАЯ. Там!.. У подоконника, на трубе... Ой, мамочка! Докторов надо... Там!

МАЯКОВСКИЙ. Да в чем дело? Заладила: «там» да «там». Ты кто?

ДУНКАН. Она работать здесь. Убирать номера.

ГОРНИЧНАЯ (*заплавав*). Я горничная. Ли... Липа. Липой зовут.

ДУНКАН. Анатолий! Вольдемар! Делайте что-то! Она вся трясется... Ей худо. Дайте ей рюмка коньяк!

МАЯКОВСКИЙ (*наливает и подает горничной рюмку*). На, выпей! Отпустит. Да не стучи так зубами, дурашка!

Горничная (*пытается выпить, но больше разливает*). Тумбочка перевернута, книжки где попало, накурено... Меня тошнит.

Маяковский. Успокойся, милая. Вот тебе стул, присядь. Лида, говоришь?

Горничная. Ли... Липа. Для хороших знакомых...

Маяковский. А теперь скажи нам, Липа, что же стряслось?

Горничная. Беда приключилась! Горе! В соседнем номере, в пятом, человек повесился. Ваш товарищ.

Луначарский. Товарищ? Какой еще товарищ? Думай, что говоришь! Мы только что вошли.

Маяковский. Ты часом не страдаешь галлюцинациями, девушка? Тебе не привиделось?

Горничная (*вытирая фартуком слезы*). Если бы. Я случайно туда зашла... Иду мимо, на... напеваю — и зашла. Дверь-то приоткрытая. Гляжу — человек на трубе. На шее веревка, руки внизу, ноги внизу... Я, наверное, упала.

Маяковский. Упала?

Горничная. В обморок. Сомлела я. Колено болит... Видно, зашибла.

Маяковский. Ну-ну, не хнычь. Гм... Интересно, кто это? Есенин пока не объявлялся.

Луначарский. Ни слова больше, Владимир Владимирович! Какая-то горничная! Зачем же вы...

Дункан. Я ничего не взять в толк!

Бугров. А что тут понимать, Айси? (*Наливает себе коньяка.*) Вляпались! По уши. (*Залпом выпивает коньяк.*) Теперь затаскают по судам. Для меня пахнет трибуналом.

Луначарский. Суды?! Трибунал?!

Бугров. Полагаю, что так.

Луначарский. Типун вам на язык! Кто-нибудь знает, где администратор гостиницы? Что за глупая табличка у него на двери — «Трудовая травма»? В кои-то веки в гостиницу

пожаловал член правительства, а этого бездельника нет на месте. Уволю! В порошок сотру! (*Берет горничную под руку.*) Вот что, милочка, скажи-ка нам, где в гостинице пожарный выход? В какой стороне? Нам нужно уйти отсюда незаметно. Понимаешь, золотце? Тайком. Дело государственной важности. И запомни: о нас никому. Молчок! Администраторшей назначу.

Маяковский. Оставьте девушку в покое, нарком! (*Горничной.*) Так кто же там повесился, в пятом? (*Гладит девушку по волосам.*) Не дрожи, милая, не робей, не волнуйся... Скажи вразумительно, внятно.

Горничная (*всхлипывая*). Повесился тот, что был в этом номере раньше. Светловолосый такой, в черном... Он записку оставил. На столе лежит. Стих какой-то... красными буквами...

Все потрясены и столбенеют. Свет постепенно меркнет.

Голос из темноты (*декламирует*).

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

З а н а в е с .

К о н е ц .

2004-2005 г.г.

Владимир Павлович Задорожный

СМЕРТЬ В "АНГЛЕТЕРЕ"

Драма

Литературный редактор и корректор: кандидат филологических наук, доцент Л. И. Минина

Компьютерный набор: магистр филологии С. В. Мунтян

Художественное оформление: В. В. Машницкий

Подписано в печать 28.09.07

Формат 84 X 60 1/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. листов 98. Тираж 150. Дог. № 3-15/07

Заказ № 2924.

ОАО «Херсонская городская типография»

Украина, 73000, г. Херсон, ул. 40 лет Октября, 31.

тел./факс: (0552) 26-16-81, 34-20-00.

Свидетельство ХС № 39 от 02.12.03 г.